

КА

ИНОСТРАННОЙ

ВОЕННОЙ

ЛИТЕРАТУРЫ

Р. КЛАУС

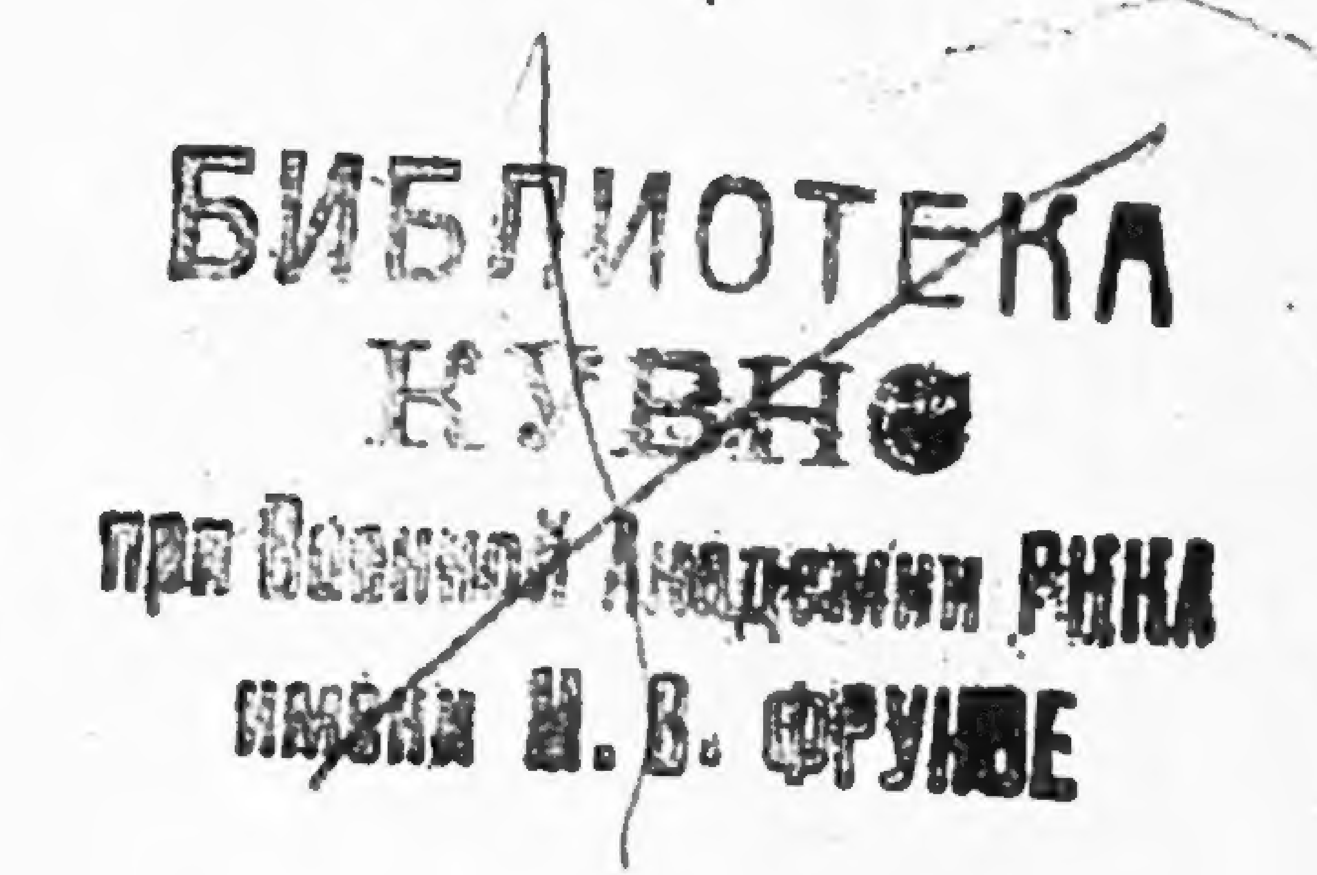
ВОЙНА И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО РОССИИ (1914-1917)

БИБЛИОТЕКА
ИНОСТРАННОЙ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

РУДОЛЬФ КЛАУС

ВОЙНА И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО РОССИИ (1914—1917 г.г.)

Перевод с немецкого
М. ЗАММЕЛЯ

1926

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ВОЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
№ 1643

Ленинградский Гублит
№ 11876

Тираж 7000 экз.

Типография Изд-ва
С.-З. Промбюро ВСНХ.
Ленинград, Тучкова, 2.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие	5
Предисловие переводчика	9
Финансы	11
Военные расходы и их покрытие	—
Государственный бюджет и налоги	30
Сберегательные кассы	35
Банки	36
Промышленность	40
Общие сведения	—
Рабочий вопрос	41
Эвакуация предприятий	55
Мобилизация промышленности	58
Положение отдельных отраслей промышленности	68
Внешняя торговля	83
Транспорт	89
Сельское хозяйство	98
Продовольствие	104
Заключение	112
Указатель литературы	116

Предисловие.

Самым характерным в труде Клауса является не его содержание, а то, что он принадлежит перу иностранного автора. И в самом деле, в то время, как за границей экономический опыт мировой войны не только тщательно и всесторонне изучен в ряде обширнейших трудов, и из этого опыта давно уже сделаны и соответствующие практические выводы, мы вынуждены обращаться „к варягам“ за простым информационным материалом сомнительного качества.

Между тем, история экономической агонии царизма во время мировой войны представляет большой интерес. История эта объясняет, каким образом царское правительство, не способное справиться с новыми экономическими задачами, выдвинутыми войной, фактически помогало Германии в целях собственного поражения. Кроме того, история эта, доказательством от противного, поучает, что нужно делать в мирное время в отношении экономической подготовки к войне, дабы не случилось новой катастрофы во время войны будущего.

Впрочем, в одном отношении история сама позаботилась, чтобы недостатки наших научных исследований в области мировой войны вспомнились жизненными фактами всемирно-исторического значения, в виде Октябрьской Революции. Ибо эта Революция создала новый социалистический тип государственной системы с национализированной промышленностью, транспортом, внешней торговлей и плановым регулированием всего народного хозяйства. Короче, Революция создала в СССР такую экономическую систему мирного времени, которую тщетно искали все воевавшие государства во время мировой войны.

Достаточно внимательно всмотреться, как решали крупнейшие государства обоих воевавших коалиций задачи приспособления народного хозяйства к нуждам войны, чтобы

твердо убедиться, что все они искали выхода из положения путем государственного вмешательства во все области экономической жизни своих стран.

В большей или меньшей степени, путем более или менее удачных импровизаций, и Германия, и Франция, и Англия, и САСШ,— все они пришли к концу мировой войны к своеобразной системе государственного капитализма.

Все они вынуждены были запретить почти полностью свободную торговлю, перейти к жесткой продовольственной монополии и даже к пайку (Германия), должны были взять в государственные руки управление транспортом, вынуждены были в чрезвычайном порядке мобилизовать промышленность, организовать государственные заготовки и распределение топлива и сырья,—словом, практически показать всему миру, что когда военная обстановка потребовала приспособления производительных сил страны к военным задачам, то этого нельзя было сделать в рамках частно-капиталистической и анархической организации народного хозяйства, а только путем обобществления и национализации. СССР же успел далеко перешагнуть через систему государственного капитализма в сторону социализма.

Уже доказано, что если бы обобществленная Германия в 1918 г. нашла силы не только смести клику Гогенцоллернов, но и буржуазию, которая поспешила заключить мир, чтобы расправиться со своими восставшими рабочими, то этим фактом она получила бы в лице победоносного пролетариата такие дополнительные революционные силы, которые, конечно, никогда бы не привели Германию к Версалю.

Эти силы нашла Рабоче-Крестьянская Россия, которая, не взирая на военное поражение царизма, на полную экономическую катастрофу, будучи почти безоружной, сумела отстоять свою независимость против всего буржуазного мира.

Изучение опыта мировой войны представляет собой не только академический интерес. Под влиянием учета этого опыта современная подготовка к войне вышла далеко за пределы тех требований, которые имели место до мировой войны. Теперь трудно сказать, какая из частей подготовки к войне является первенствующей — подготовка и мобилизация живых сил, или подготовка и мобилизация народного хозяйства. Но с очевидной определенностью утверждается, что экономическая подготовка к войне представляет собой дело несравненно более трудное и длительное, нежели подготовка живых сил. Все страны мира имеют вековой опыт

подготовки людских масс, содержат в мирное время кадровые армии различного состава и обучают людские массы; методы и приемы мобилизации досконально изучены и установлены. Экономическая же область подготовки — дело новое и мало разработанное. В крупнейших капиталистических странах Европы и Америки проблемы экономической подготовки к войне после мировой войны вошли в практический государственный обиход и заняли там почетное место.

После пробной мобилизации промышленности, произведенной в САСШ в 1921 г., стало известно о степени промышленной подготовки этого могущества буржуазного государства.

Доподлинно известно, что еще в 1923 г. Франция также разработала законченный промышленный моб. план, распределила заказы на военное время до отдельных заводов включительно и предусматривает организацию сложного военного аппарата по управлению мобилизованной промышленностью в военное время — до 8.000 человек. Декрет о национальной обороне во Франции, основанный на общей национальной мобилизации, представляет собой только завершение этого здания.

5 июня 1925 г. Италия также приняла закон о подготовке нации на случай войны.

Германия, задавленная Версалем и Локарно, конечно, помнит, что однажды, больше ста лет тому назад, она была уже в таком положении. Она имеет командный костяк миллионной армии, в виде своего 100.000-го рейхсвера. По всем данным, экономическая подготовка Германии проводится со свойственной этой стране законченностью, тщательностью и пунктуальностью, о чем свидетельствует ряд данных, в частности и издание труда Клауса.

СССР имеет исключительно благоприятную потенциальную возможность подготовки своей обороны. Нужно лишь осуществить в мирное время те дополнительные мероприятия, которые обеспечили бы мобилизацию страны — переход ее с мирного на военное положение — наиболее быстрым и безболезненным образом.

Народное хозяйство СССР, охватываемое все возрастающим плановым руководством и строительством, само непосредственно заитересовано в том, чтобы встретить войну во всеоружии подготовленного плана и предвидения. Не следует забывать и того факта, что СССР с началом войны

будет схвачен в кольцо экономической блокады. Он вынужден будет искать все нужное ему для обороны только внутри страны.

Ни одна область экономической подготовки страны—промышленность, транспорт, связь, финансы, внутренняя и внешняя торговля, кооперация и др.—не сможет уйти от этой военной задачи. Ибо, если СССР вынужден будет когда-либо защищать свою страну с оружием в руках, то на поле брани будут двинуты многомиллионные массовые армии, с огромными техническими средствами. Эта армия потребует огромных материальных рессурсов, обеспечить которые смогут ей только все производительные силы страны при полнейшем напряжении.

С подготовкой или без подготовки, народное хозяйство страны будет неизбежно вовлечено в войну. Между стратегией и экономикой сейчас существует такая неразрывная связь, что их нельзя уже рассматривать в отдельности. Строить стратегический план без полного учета экономических возможностей страны значит — строить этот план на песке.

Труд Клауса не дает указаний о путях и средствах экономической подготовки к войне. Он является лишь сжатым очерком, систематизирующим отдельные моменты экономики России в годы мировой войны. Все же в нем можно найти много интересных данных и для рядового военного читателя, и для специалиста-мобилизатора.

Цифровые данные, приводимые Клаусом, далеко не всегда соответствуют действительности. Но общая картина эволюции народного хозяйства царской России во время мировой войны схвачена правильно, с той лишь разницей, что в действительности хаос, неразбериха и грандиозное казнокрадство имели несравненно большой размах.

Интересующиеся вопросом прочтут с интересом труд Клауса.

А. Вольпе.

Предисловие переводчика.

В нашей литературе, если не считать книги Прокоповича — „Война и народное хозяйство“ — не имеется трудов, посвященных исследованию „военного хозяйства“ России в войну 1914/1917 г.г.

Под „военным хозяйством“ (Kriegswirtschaft) мы разумеем хозяйственные процессы трех видов: 1) влияние войны на народное хозяйство; 2) приспособление народного хозяйства к потребностям и обстановке войны,—так называемая, мобилизация народного хозяйства,—и, наконец, 3) регулирование народно-хозяйственных процессов во время войны, имеющее задачи внести максимальную планомерность в дело мобилизации народного хозяйства. Во время войны с осязательной наглядностью обнаруживается неразрывная взаимозависимость и связь этих элементов, а также различных областей народного хозяйства, и исследование „военного хозяйства“ должно строиться в соответствии с этим, давая цельную картину народного хозяйства во время войны.

Как сообщает Н. Д. Кондратьев в предисловии к своей книге — „Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции“, в свое время предполагалось издание, под редакцией С. Н. Прокоповича, коллективного труда — „Материалы по регулированию народного хозяйства во время войны и революции“, но осуществления эти предположения не получили. Мы имеем ряд очень ценных работ по отдельным вопросам „военного хозяйства“ России в империалистскую войну; но общего исследования до сих пор не имеется. Книга Прокоповича, которая уже в 1918 г. вышла 2-м изданием, несмотря на всю ее ценность, конечно, не является таким общим исследованием и вследствие неполноты, и потому, что в ней не использованы данные позднейших работ по вопросам „военного хозяйства“ России.

Поэтому, когда Гос. Военное Издательство обратилось к нам с просьбой дать, в дополнение к изданной им в нашем

переводе книге А. Дикса о „военном хозяйстве" Германии, аналогичную книгу о „военном хозяйстве" России, мы решили использовать для этого книгу Клауса, сокращенный перевод которой и предлагается вниманию читателя.

Книга Клауса является добросовестной компиляцией из разных источников, главным образом, из упомянутой книги Прокоповича. Интересна история появления ее. Из предисловия к ней мы узнаем, что при имперском министерстве внутренних дел Германии существует ученая комиссия (wissenschaftliche Gruppe) по исследованию „военного хозяйства" иностранных государств, и книга Клауса является частью подготовляемого коллективного исследования (bildet einen Teil des grossen Sammelunternehmens über die ausländischen Kriegswirtschaften). Пример, достойный всяческого подражания.

Книгу Клауса удалось, без ущерба для ее содержания, сократить почти вдвое, главным образом, за счет излишних для русского читателя общих сведений и пояснений.

М. Заммель.

Финансы.

Военные расходы и их покрытие.

А. Военные расходы.

Военные расходы во всех странах, вследствие длительности войны, многочисленности армий и огромного количества технических средств, а также вследствие роста цен, превзошли все расчеты и предположения мирного времени. Сведения о военных расходах противоречивы; это естественно, так как самое понятие военных расходов может толковаться по-разному.

Расходы японской войны 1904—1905 года исчисляются для России в 2—3 миллиарда рублей.

Военные расходы России в войну 1914—1918 гг. исчисляются следующим образом:

на мобилизацию	539,6	милл. р.
с 19-го июля по 31 декабря 1914 года . .	1.655,4	„ „
„ 1-го января по 30 июня 1915 года . .	3.144,2	„ „
„ 1-го июля по 31 декабря 1915 года . .	5.134,6	„ „
„ 1-го января по 31 декабря 1916 года .	14.573	„ „
„ 1-го января по 30 июня 1917 года . .	10.051	„ „
за июль—август 1917 года расходы исчисляются в	4.000	„ „

Вычислив военные расходы в среднем за каждый день, мы получим следующее:

с 19-го июля по 31 декабря 1914 года . . .	10	милл. руб. в день
„ 1-го января по 30 июня 1915 года . .	17,2	„ „ „ „
„ 1-го июля по 31 декабря 1915 года . .	28,2	„ „ „ „
„ 1-го января по 31 декабря 1916 года . .	40,0	„ „ „ „
„ 1-го января по 30 июня 1917 года . .	55,2	„ „ „ „
„ 1-го июля по 31 августа 1917 года . .	66,6	„ „ „ „

По сообщению министерства финансов, на военные нужды было ассигновано:

до 1-го января 1915 года	2,5	миллиарда руб.
„ 1-го января 1916 года	11,9	„ „
„ 1-го января 1917 года	27,2	„ „
„ 1-го сентября 1917 года	41,4	„ „

Эти ассигнования распределяются следующим образом:

содержание и снаряжение армии	30.944,6	милл. руб.
содержание и снаряжение флота	2.007,9	„ „
помощь семьям призванных	3.264,1	„ „
помощь беженцам	659,5	„ „
развитие почтово-телеграфных учреждений	122,4	„ „
постройка новых железных дорог	369,3	„ „
развитие существующих железных дорог	1.172,7	„ „
заказы паровозов и вагонов	617,6	„ „
оборудование портов	115,2	„ „
оборудование водных и шоссейных путей	79,7	„ „
прочие расходы	2,079,7	„ „
Всего	41.392,7	милл. руб.

Как ни велики эти суммы, они все же далеко не исчерпывают всего ущерба, который война нанесла русскому народному хозяйству, если даже принимать во внимание, что часть военных расходов, правда, весьма значительная часть, пошла на пользу народному хозяйству, как-то: расходы на постройку железных дорог, шоссейных и водных путей, портов и т. п.; но даже и эти расходы только частично имеют ценность для хозяйства мирного времени, так как они производились для стратегических целей.

Б. Покрытие военных расходов.

Для покрытия огромных сумм, которые потребовала война, такие источники, как экономия по отдельным статьям бюджета и уже разрешенным кредитам, а также повышение существующих и введение новых налогов, особенно в России, с ее сравнительно мало развитой налоговой системой, могли иметь только очень небольшое значение. Военные расходы, как и в русско-японскую войну, проходили по особому бюджету; новые налоговые и прочие поступления не могли бы быть обращены на покрытие военных расходов, хотя бы

уже потому, что в нормальном бюджете оказался огромный дефицит вследствие прекращения продажи водки. Для покрытия военных расходов могли быть использованы:

1. Внутренние и внешние, краткосрочные и долгосрочные займы.

2. Эмиссия (выпуск кредитных билетов).

1. Внутренние займы.

Как и в прочих воевавших странах, и в России денежный рынок должен был, главным образом, служить для целей финансирования войны; для увеличения капиталов промышленности требовалось особое разрешение, за исключением тех обществ, которые работали на оборону или изготовляли предметы повседневного употребления.

Внутренних долгосрочных военных займов всего, до Октябрьской революции, было выпущено 7, а именно:

№ по пор.	Название.	Дата.	Номинальная сумма в милл. р.	Выпускной курс.
1	5% внутрен. заем	3 октября 1914 г. .	500	95%
2	5% „ „	6 февраля 1915 „ .	500	94%
3	5½% (5% вн. заем) . . .	24 апреля 1915 „ .	1000	99%
4	5½% „ „ . . .	22 октября 1915 „ .	1000	95%
5	5½% „ „ . . .	26 февраля 1916 „ .	2000	95%
6	5½% „ „ . . .	10 октября 1916 „ .	3000	95%
7	5½% „заем свободы“ . .	27 марта 1917 „ .	2960[1])	85%

Какова была действительная подписка на эти займы, сколько из нее было чистой подписки и в какой части при новой подписке были использованы прежние займы, об этом данных не имеется. Русское правительство каждый раз объявляло, что выпущенный заем полностью размещен; но, несмотря на сильную агитацию, публика относилась к займам довольно сдержанно, и большую часть подписки должны были принимать на себя государственные и частные банки, сберегательные кассы и т. п.

1) До 1 сентября 1917 г.

По отношению к частным банкам применялось известного рода принуждение; банковский консорциум обязывался к подписке на определенную сумму, которую он и должен был распределить между своими членами. При первом займе банки должны были взять на себя 300 милл. руб., при чем им, правда, была предоставлена очень высокая комиссия, а именно 3%, так как подписной курс для них был установлен в 92%. При позднейших займах банковская комиссия устанавливалась в 2%, что также является чрезвычайно высоким.

Так как военные займы не встречали желательного приема у населения, в 1916 году обсуждался вопрос о выпуске 3,6%-го выигрышного займа в 1,2 миллиарда, так как оба первых выигрышных займа 1864 и 1866 г.г. были весьма ходкими бумагами. Этот проект осуществления не получил.

Все внутренние долгосрочные военные займы, включая подписку до 23 ноября 1916 года на 6-й заем, дали 6.210 милл. руб.

После февральской революции 1917 года новое правительство развило необычайную агитацию за 7-й заем, так называемый „заем свободы". На самых облигациях займа было напечатано воззвание, которое представляется довольно необычайным в трезвой области финансов.

Несмотря на агитацию и воодушевление в первое время после февральской революции, а также на то, что заем был выпущен в мелких купюрах—были выпущены купюры в 20, 40 и 50 рублей, так что и малосостоятельные слои, особенно при обесценении денег, могли принять участие в подписке на заем—и, несмотря на низкий выпускной курс—85%, все же подписка проходила малоуспешно.

Вся подписка на „заем свободы" составила:

к 1 сентября 1917 года . . .	2,96	миллиарда руб.
„ 24 сентября 1917 года . . .	3,9	„ „ и
„ средине октября 1917 года .	4,04	„ „

Первые два военные займа были выпущены сроком на 50 лет; третий—на 80 лет; четвертый, пятый и шестой—сроком на 10 лет каждый; седьмой, „заем свободы" должен был быть погашен в течение 49 лет, начиная с 1922 года.

Государственный Банк поддерживал военные займы тем, что выдавал под них большие ссуды, которые доходили до

90% номинала и выдавались на долгие сроки. Ссуды, выданные Государственным Банком под ценные бумаги, на 8-е июля 1914 года составляли 121,4 миллиона рублей; в течение следующих трех недель эта статья увеличилась на 252 милл. руб., что объясняется поддержкой, оказанной Государственным Банком частным банкам в первые недели войны. На 8-е ноября 1915 года эта статья достигла уже 877 милл. руб. и, затем, опять уменьшилась. В мае 1917 года она превысила один миллиард руб.; максимума она достигла к 1-му октября 1917 года и составляла 1,6 милл. руб.; заложенные бумаги в подавляющей части составляли военные займы.

На ряду с этими государственными займами, были выпущены для нужд железных дорог два специальных займа.

Первый железнодорожный заем был выпущен в 1917 году для нужд 15-ти важнейших дорог; из чистой суммы займа в 600 милл. руб. 291,5 милл. рубля были предназначены для погашения долгов этих дорог и 308,5 милл. рубля—для нового железнодорожного строительства и прочих расходов.

Второй железнодорожный заем был выпущен в мае 1917 года.

Эти займы пользовались большим успехом,—в частности, подписка на второй заем превысила объявленную сумму займа.

Сверх указанных выше семи долгосрочных военных займов, были выпущены на внутренний рынок своего рода краткосрочные военные займы двух типов: 5% краткосрочные обязательства Государственного Казначейства и 4% билеты Государственного Казначейства, так называемые, серии.

Краткосрочные обязательства, сроком до года, в России, как и в других государствах, не имеют купонов, и цена их, при сделках с ними, уменьшается на всю сумму процентов, следуемых до истечения срока обязательств; проценты уплачиваются, таким образом, вперед. Краткосрочные обязательства были выпущены на основании закона от 23 июля 1914 года; первоначально они предназначались только для учета Государственным Казначейством в Государственном Банке для покрытия выдаваемых последним Государственному Казначейству авансов в кредитных билетах. В бюллетенях Государственного Банка указывались следующие суммы учтенных краткосрочных обязательств:

на 1 января 1915 года	656	милл.	руб.
„ 1 июля „ „	1.589	„	„
„ 1 января 1916 года	3.931	„	„
„ 1 июля „ „	3.823	„	„
„ 1 января 1917 года	6.866	„	„
„ 1 июля „ „	10.392	„	„
„ 23 октября „ „	15.507	„	„

Для финансирования войны эти краткосрочные обязательства, учтенные в Государственном Банке, первоначально не имели никакого значения; они служили только для взаимных расчетов между Государственным Банком и Государственным Казначейством.

Но затем краткосрочные обязательства были использованы непосредственно для изыскания необходимых средств. Уже в конце 1914 года Государственное Казначейство стало учитывать краткосрочные обязательства и в частных банках; они получили и дальнейшее распространение в качестве удобного помещения для временно свободных денег, особенно с конца 1915 года, когда они были выпущены более мелкого достоинства, начиная от 5.000 руб., и на сроки в 3, 9 и 12 месяцев, между тем как до того они выпускались только достоинством в 100.000 руб. и на 6 месяцев. С течением времени Государственное Казначейство, при размещении их, прибегало к известной принудительности; так, за казенные подряды и поставки часть суммы выплачивалась краткосрочными обязательствами. Впоследствии уже в договоры о казенных подрядах и поставках включалось, что известная часть суммы должна выплачиваться краткосрочными обязательствами; эта часть, составлявшая вначале 10—25%, в 1917 г. возросла до 50%, а при выдаче авансов даже до 75% всей суммы.

Сумма краткосрочных обязательств, бывших в обращении на частном рынке, исчислялась некоторыми авторами следующим образом:

на 1 января 1915 года	147	милл.	руб.
„ 1 января 1916 „	705	„	„
„ 1 января 1917 „	3.046	„	„
в начале сентября 1917 года	4.370	„	„

Указ о 19-м выпуске краткосрочных обязательств от сентября 1917 года разрешал общий выпуск краткосрочных обязательств в сумме до 25 миллиардов рублей.

В России с давних пор были известны 4-х процентные билеты Государственного Казначейства, так называемые

серии. Они представляли собой бумаги небольшого размера, примерно, величиною в банковский билет с 4-мя купонами. Они принимались учреждениями Государственного Казначейства и Государственного Банка в платежи по номиналу и имели также хождение на частном рынке наравне с кредитными билетами, но без обязательности приема их в платежи; серии, таким образом, выполняли роль не только государственных долговых обязательств, но и денежных знаков. Они охотно принимались публикой, так как представляли удобное помещение для кассовых средств, принося известный % без всякого опасения потери на курсе. Эти серии были также использованы для изыскания средств во время войны. Их было выпущено:

На основании указа от 22 августа 1914 г.	300	милл.	руб.
" " " " 27 марта 1915 г.	300	"	"
" " " " 14 августа 1915 г.	250	"	"
Всего	850	милл.	руб.

Впоследствии серии были вытеснены краткосрочными обязательствами, приносившими на 1% больше.

2. *Внешние займы.*

Россия, хотя и обладающая большими естественными богатствами, но бедная капиталами, естественно, не могла самостоятельно удовлетворить невероятные финансовые требования мировой войны. Руководящим кругам России это было ясно и до войны; но они, видимо, ожидали, что в этой войне богатые союзники дадут золото, России же придется жертвовать „только“ кровью. Трудность получения во время войны иностранных кредитов для многих русских явилась сильным разочарованием.

Россия нуждалась в больших количествах иностранной валюты для оплаты процентов по своим многочисленным заграничным государственным, железнодорожным, городским и прочим займам, а также для оплаты дивидендов по акциям, находившимся в союзных и нейтральных странах; сверх того, особенно, для оплаты колоссальных заграничных заказов на военное снаряжение. Русские ценные бумаги из центральных держав, естественно, также уходили в нейтраль-

ные страны и тем самым увеличивали сумму иностранных платежей России. По некоторым данным русские ценные бумаги даже из самой России вывозились за границу, дабы, тем самым, выиграть на валюте и поместить свои средства за границей.

Русские сообщения почти не приводят данных о внешних займах; видимо, во время войны об этом мало сообщалось. Русские газеты, в своих сообщениях о внешних займах России, ссылаются даже на иностранные газеты.

6 октября 1914 года в Англии было получено под краткосрочные обязательства Государственного Казначейства 12 милл. фунтов стерлингов (113,5 милл. рубля), в декабре 1914 года следующие 40 милл. фунт. стерлингов (378,3 милл. рубля), 13 марта 1915 года был подписан внешний заем в 625 милл. франков (234,4 милл. рубля). 16 апреля того же года были выпущены за границей 5% краткосрочные обязательства Государственного Казначейства на 200 милл. руб, 10 июня 1915 года—5% краткосрочные обязательства на 50 милл. фунтов стерлингов (472,9 милл. руб.), 9 сентября 1915 года еще на 30 милл. фунтов стерлингов (283,7 милл. руб.), 9 октября 1915 года было возобновлено 5% краткосрочных обязательств на 102 милл. руб.

22 февраля 1915 года Английский банк выпустил русских краткосрочных обязательств, сроком на один год, на 10 милл. фунтов стерлингов, по курсу 95, достоинством в 1.000 и 500 фунтов стерлингов; эти обязательства были возобновлены 22 февраля 1916 года из 6,4%.

По настоянию русского министра финансов Барка, который весною 1915 года посетил Лондон и Париж, обсуждался проект общего военного займа Англии, Франции и России. Эти три страны должны были сообща выпустить под общей их гарантией заем в 800 милл. фунтов стерлингов или 20 миллиардов франков. Сумма займа должна была быть поделена в соответствии с военными издержками каждой страны, оплата процентов должна была производиться в соответствии с обычными для каждой страны ставками, т. е. Россия должна была платить 5%, Англия — $3^1/_2$, Франция—$3^3/_4$. Этот проект не был осуществлен, вероятно, потому, что Англия не доверяла русским финансам, а также и потому, как писали газеты, что Англия, в виду различий в русской и английской финансовой системе, сомневалась в возможности проведения этого проекта через парламент.

Финансовая конференция стран Антанты привела, между прочим, к соглашению от 9-го октября 1915 года между Россией и союзниками, по которому они должны были предоставить ей кредиты для оплаты заграничных заказов, срочных процентов и приходящейся на Россию доли участия в субсидиях мелких союзников. Франция предоставила 500 миллионов рублей из 5% и Англия—3 миллиарда руб. из 6%, кроме того, 2 миллиарда рублей беспроцентно для усиления золотого запаса русского Государственного Банка, с тем, чтобы последний мог выпустить под них на 2 миллиарда кредитных билетов, без формального нарушения действующих законов об эмиссионном праве Государственного Банка. Эти последние 2 миллиарда не являются займом и являлись известного рода фикцией; эта сумма числилась только за русским Государственным Банком, распоряжаться же ею он не мог. Напротив того, русскому Государственному Банку пришлось обязаться передать Английскому Банку 400 миллионов рублей золотом. Из указанных 3½ миллиардов руб. Англия должна была ежемесячно предоставлять 25 миллионов фунтов стерлингов, Франция—125 миллионов франков.

Эти займы предназначались исключительно на нужды войны.

В октябре же 1915 года с Английским банком было заключено соглашение о кредитах для нужд торговли и промышленности. В силу этого соглашения, определенные русские банки получали трехмесячные переводные векселя в английской валюте на некоторые лондонские банки. Эти векселя были предоставлены в распоряжение русского Государственного Банка, который в обеспечение полученных аккредитивов выдал Английскому банку русских краткосрочных обязательств в английской валюте в равной сумме. Показательно для состояния русского кредита, что уже в 1915 году, когда 10 фунтов стерлингов стоили только 139,5 рубля (паритет: 10 фунтов стерлингов=94,57 руб.), союзная Англия, при открытии кредита первоклассным банкам, кроме поручительства Государственного Банка, потребовала обеспечения всей суммы кредита русскими государственными краткосрочными обязательствами в английской валюте.

В октябре 1914 года Государственному Банку пришлось передать Английскому банку 75 милл. рублей золота, которые должны были явиться обеспечением полученных Россией

под краткосрочные обязательства 12 миллионов фунтов стерлингов.

Английское предложение перевести золотые запасы всех эмиссионных банков для большей безопасности в Лондон— было отклонено Россией, у которой настроение уже было испорчено первыми отправками золота. Французское предложение об учреждении в Париже русской таможни также было отклонено; Франция этим предложением хотела добиться не только облегчения ввоза, но и иметь в таможенных поступлениях обеспечение предоставленных ею кредитов.

Далее, 1-го июня 1916 года, был выпущен 5%-ный внешний заем на 225 милл. рублей, сроком на 15 лет.

Переговоры с американскими банками первоначально не имели успеха. В американских финансовых кругах неоднократно высказывалось отрицательное отношение к России. В июне 1916 года русское правительство заключило в Нью-Иорке соглашение о кредите на 50 милл. долларов для облегчения получения товаров из Америки. Американский банковский синдикат принял 5% краткосрочные обязательства русского казначейства в американской валюте сроком на 5 лет по курсу 90¼ %. В состав банковского синдиката входили: National City Bank, Ж. П. Морган и К⁰, Guaranty Trust Cy, Ли, Гиггинсон и К⁰, Киддер, Пибоди и К⁰.

По данным от 1917 года Америкой были предоставлены России следующие кредиты:

6½ %, срочные 18 июня 1919 года, кредиты	50	милл. долл.
5% трехмесячный кредит (уплачен) .	25	„ „
5% обязательства, срочные 1-го мая 1917 г.	11	„ „
Кредиты Русско-Азиатскому банку .	25	„ „
Банковский кредит	7	„ „
5½ %, срочный 1-го декабря 1921 г., заем	25	„ „
Кредиты, обеспеченные русскими железнодорожными ценностями, срочные в 1917 г.	5½	„ „
Всего	148½	милл. долл.
Из них выплачено . . .	25	„ „
Остается	123½	милл. дол.

По газетным сообщениям, российский посол в Токио заключил 11 сентября 1917 года соглашение с японским

государственным банком о займе в 105 милл. иен; заключенный в предыдущем году небольшой заем в 14 миллионов иен был отсрочен еще на один год.

По сообщению министра финансов Временного Правительства М. И. Терещенко, от апреля 1917 г., сумма заграничных займов достигала в то время 7—8 миллиардов рублей. Эта цифра не дает, однако, представления об истинном положении вещей, так как эти займы были заключены в иностранной валюте, а курс рубля в то время значительно понизился. По сообщению министерства финансов от ноября 1917 г., внешние займы составляли 8.062 миллиона рублей: из них приходилось, в круглых числах, на долю Англии 6¾ миллиарда рублей, Франции — 1 миллиард рублей и Соединенных Штатов и Японии — по 200 милл. руб. Таким образом, подавляющая часть русских внешних военных займов приходилась на долю Англии, в то время как на Францию приходилась основная часть довоенных займов.

Указанное распределение суммы займов не соответствует военным поставкам отдельных стран; американские и японские поставки значительно превышали 200 милл. рублей, поставки же Англии были много меньше 6¾ миллиарда рублей, так как английскими кредитами оплачивались русские заказы в Японии и в Америке.

Внешние займы первоначально были краткосрочные; английские кредиты были сначала предоставлены только на один год, Американский же заем в 50 миллионов долларов был уже заключен на 5 лет, а 5½%-ный внешний заем от июня 1916 года — на пятнадцать лет.

3. *Выпуск кредитных билетов.*

Наиболее легким способом получения того невероятного количества денежных средств, которых потребовала война, явился в России, как и в других странах, печатный станок. Кредитные билеты выпускались Государственным Банком. Согласно закона от 29 августа 1897 года, банковские билеты, которые сохранили старое название государственных кредитных билетов, хотя, в действительности, они являлись билетами Государственного Банка, при выпуске до 600 милл. рублей, должны были быть покрыты золотом

в половинном размере, выпуск же сверх этой суммы должен был быть покрыт полностью, рубль за рубль; свободный непокрытый контингент равнялся, таким образом, до начала войны 300 миллионам рублей.

Согласно последнего бюллетеня Государственного Банка перед войной, от 8-го (21-го) июля 1914 года, кредитных билетов было в обращении 1,7 миллиарда рублей; из них 65,88 миллионов рублей находилось в кассах Государственного Банка, так что в обращении фактически находилось 1634,12 милл. рубл. Золотой запас Государственного Банка равнялся на тот же день огромной сумме в 1601,1 милл. рубля. Золотое покрытие кредитных билетов составляло, таким образом, 98%. Кроме указанного золотого запаса, имелось еще 143,9 миллиона рублей золота за границей. Так как, согласно закона, непокрытое золотом количество кредитных билетов могло равняться 300 миллионам рублей, на 8 (21) июля имелось же их всего на 33 миллиона рублей и так как золото за границей также рассматривалось в качестве обеспечения кредитных билетов, то всего к началу войны Государственный Банк располагал свободным эмиссионным правом в 410,9 миллионов рубля.

С началом войны, согласно закона от 23 июля 1914 г., Государственный Банк прекратил размен кредитных билетов на золото, что было совершенно необходимо для сохранения золотого запаса.

Свободного эмиссионного права в 410 милл. рублей хватило, разумеется, ненадолго, и право выпуска непокрытых кредитных билетов непрерывно увеличивалось от 300 миллионов до 16,5 миллиардов руб. Увеличение эмиссионного права происходило следующим образом:

23 июля 1914 г. на . . .	1,2	м-да р.	всего	до	1,5	м-да р.
17 марта 1915 г. на . . .	1,0	„ „	„	„	2,5	„ „
22 августа 1915 г. на . .	1	„ „	„	„	3,5	„ „
29 „ 1916 „ на . .	2	„ „	„	„	5,5	„ „
27 декабря „ „ „ . .	1	„ „	„	„	6,5	„ „
4 марта 1917 г. на . . .	2	„ „	„	„	8,5	„ „
15 мая 1917 г. на . . .	2	„ „	„	„	10,5	„ „
11 июля 1917 г. на . . .	2	„ „	„	„	12,5	„ „
7 сентября 1917 г. на .	2	„ „	„	„	14,5	„ „
6 октября 1917 г. на . .	2	„ „	„	„	16,5	„ „

Обращает внимание значительное увеличение эмиссионного права после февральской революции 1917 года.

Долгий перерыв между третьим и четвертым увеличением (от 22 августа 1915 года до 29 августа 1916 года)

имеет особые причины, о которых было уже упомянуто в отделе внешних займов. Министр финансов П. Л. Барк не хотел вносить в Государственную Думу законопроекта о новом увеличении эмиссионного права Государственного Банка и вышел из положения путем, так называемого, „великобританского кредита“—2-миллиардного беспроцентного займа. Эта сумма, разумеется, не была получена, но только числилась в Лондоне на счету русского Государственного банка, последний же указывал эту сумму в качестве „золота за границей“ и выпускал под нее кредитные билеты.

Следующая таблица дает картину увеличения обращения кредитных билетов и состояния золотого запаса внутри страны и за границей:

	Сумма кредитных билетов в обращении (в милл. руб.).		Золотой запас (в милл. рублей).		Золото за границей (в милл. руб.).	
23 июля 1914 г.	1.859	—	1.602	—	116	—
1 января 1915 г.	3.030	+ 1.471	1.558	— 44	170	+ 54
1 июля 1915 г.	3.755	+ 725	1.578	+ 20	99	— 71
1 января 1916 г.	5.622	+ 1.867	1.613	+ 35	648	+ 549
1 июля 1916 г.	6.628	+ 1.006	1.543	— 70	1.683	— 1.035
1 января 1917 г.	9.097	+ 2.469	1.474	— 69	2.149	+ 466
1 апреля 1917 г.	10.980	+ 1.883	1.476	+ 2	2.118	— 31
1 июля 1917 г.	13.055	+ 2.075	1.481	+ 5	2.119	+ 1
1 октября 1917 г.	17.290	+ 4.235	1.296	—185	2.308	+ 189
23 октября 1917 г.	18.917	+ 1.072	1.292	— 4	2.308	— 0

При вычислении среднего месячного увеличения по полугодиям мы получим следующую таблицу:

Денежное обращение увеличилось:

во 2-ое полугодие 1914 года (от 23 июля) на	234 милл. р. в мес.
в 1-ое полугодие 1915 года на	121 „ „ „ „
во 2-ое полугодие 1915 года на	311 „ „ „ „
в 1-ое полугодие 1916 года на	168 „ „ „ „
во 2-ое полугодие 1916 года на	411 „ „ „ „
в 1-ое полугодие 1917 года на	660 „ „ „ „
во 2-ое полугодие 1917 года (до 16 октября)	1.516 „ „ „ „

Со второго полугодия 1916 года наблюдается огромный рост поступающих в обращение кредитных билетов; в последние месяцы Временного Правительства он достигал свыше 1½ миллиарда рублей в месяц.

Всего за время войны до середины октября 1917 года было выпущено кредитных билетов, круглым числом, на 16½ миллиардов рублей. Выпуск такого количества билетов прежнего образца представлял значительные трудности, так как экспедиция заготовления государственных бумаг не могла справиться с их изготовлением. После февральской революции стали печатать так называемые „думские“ деньги в 250 и 1000 рублей, которые были сделаны много хуже прежних царских кредитных билетов. Кредитные билеты в царское время выпускались достоинством в 500, 100, 50, 25, 10, 5, 3 и 1 рубль; выпуском 1000 рублей билетов предполагалось увеличить общий выпуск денежных знаков; кроме того, в связи с обесценением денег, появилась потребность в более крупных купюрах.

С сентября 1917 года пришлось перейти к денежным знакам еще более упрощенного образца, так называемым, „керенкам“, достоинством в 20 и 40 рублей. Их выпускали целыми листами без всякой нумерации, на них нет даже номера серии. Так как государственная типография, несмотря на все напряжение, не могла удовлетворить потребности, пришлось часть заказа на печатание „керенок“ передать частным типографиям. По имеющимся сведениям, их подделывали в огромных размерах. Приходилось, между прочим, видеть „керенки“, в которых, несмотря на очень небольшой текст, было не менее трех ошибок такого рода, что приходилось думать, что они печатались людьми, которые вообще не знали русского языка, т.-е. за границей.

Когда осенью 1917 года курс рубля сильно упал, и недоверие населения к государственным кредитным билетам значительно усилилось, обсуждался вопрос о предоставлении права эмиссии банкнот частным коммерческим банкам; в качестве довода за это указывалось на то, что государство не пользуется в настоящее время доверием, которым еще пользуются банки, и что их банкноты были бы благоприятно приняты в коммерческих кругах. Наступившая вскоре Октябрьская революция прервала дальнейшее обсуждение этого проекта.

4. Золотой запас Государственного Банка.

Золотой запас русского Государственного Банка, увеличению которого особенно способствовали министры финансов Вышнеградский и Витте, перед войной превосходил золотые запасы эмиссионных банков других стран. В конце 1913 года он составлял 1,51 миллиарда рубл., что равняется 3,27 миллиарда немецких марок, между тем как золотые запасы других банков составляли:

Французского банка	2,84	миллиарда марок
Германского Имперского банка . .	1,16	„ „
Австро-Венгерского банка	1,05	„ „
Английского банка	0,69	„ „

На 23 июля 1914 года золотой запас составлял 1602 миллиона рублей. Прекращение с началом войны размена кредитных билетов обеспечивало сохранение золотого запаса, при чем Государственный Банк стремился к дальнейшему увеличению его.

В ноябре 1914 года был запрещен вывоз золота; выезжающие за границу могли иметь не более, чем на пятьсот рублей золотых и серебряных денег. С августа 1915 года было совершенно запрещено вывозить с собою золото.

Попытки извлечь золото от населения были малоуспешны, в виду сильного роста цен на золото. Так как частные банки платили дороже Государственного Банка, им удалось скупать сравнительно больше золота.

Государственный Банк, подобно Имперскому Банку в Германии, обращался к населению с воззваниями о сдаче золота, и предоставлял за это различные льготы.

Были приняты всевозможные меры для увеличения добычи золота, но несмотря на это, она уменьшилась и составляла:

в 1913 году	26,5	милл. долл.	(1,28 милл. унций)
„ 1914 „	28,5	„ „	(1,33 „ „)
„ 1915 „	26,3	„ „	(1,27 „ „)
„ 1916 „	25,9	„ „	(1,25 „ „)
„ 1917 „	20,6	„ „	(1,00 „ „)

В первые месяцы войны продолжалось увеличение золотого запаса Государственного Банка; по данным на

16-е октября 1914 года он составлял 1,62 миллиарда рублей. Следующий бюллетень указывает на уменьшение его на 74,6 миллиона рублей, что вызывалось уже упомянутой выше передачей 75 милл. рублей Английскому банку. При перевозке этого золота были приняты всевозможные меры предосторожности, золото было привезено в Архангельск и ночью погружено на крейсер „Drake“ и транспортное судно „Mantois“; оба судна, хотя и пострадали от мин, но достигли Англии. Дальнейшая передача золота на 40 и 20 милл. фунтов стерлингов была, вследствие опасности перевозки через Архангельск, направлена через Владивосток и оттуда частью в Японию, частью в Канаду. В октябре 1917 года 5 миллионов рублей золота были депонированы в Стокгольме, в Шведском Государственном Банке.

На 1-е мая 1916 года золотой запас достиг максимальной высоты и составлял 1,63 миллиарда рублей. В мае 1916 года он уменьшился круглым числом на 90 миллионов рублей; в дальнейшем сильное уменьшение золотого запаса показывают бюллетени от 16-го ноября 1916 года и 16 июля 1917 года, они составляли 92 и 187 милл. рублей против предыдущих бюллетеней и вызывались вышеупомянутым соглашением с Англией. Здесь можно, кстати, указать, что и Французский банк вынужден был передать во время войны значительное количество золота Английскому банку. Независимо от указанных передач золота, золотой запас русского Государственного Банка увеличивался благодаря внутренней добыче золота; на 16 июля 1917 года он составлял еще 1291,6 миллиона рублей.

Последние месяцы Временного Правительства величина золотого запаса показывала незначительные колебания: на 16 августа 1917 года он составлял 1297,8 милл. рубля, на 1-е сентября 1917 года—1292,6 и на 1-е октября 1917 года—1296,5 милл. руб.

Как было уже указано, выпущенные в обращение кредитные билеты к началу войны на 98% покрывались золотым запасом Государственного Банка внутри страны; в дальнейшем % покрытия изменялся следующим образом:

на 1-е января 1915 года	51,4%
„ „ „ 1916 „	28,7%
„ „ „ 1917 „	16,2%
на 16-е октября 1917 года	7,0%

5. *Курс рубля.*

Уже перед самым началом войны курс рубля упал, падение это продолжалось в первое время войны, затем наблюдается некоторое повышение его. В приложении приведен курс рубля на Стокгольмской бирже vista Петроград; показаны только те дни, в которые курс этот изменялся против предыдущих; там же приведены средние месячные курсы. Прокопович [1]) приводит средние курсы на Лондонской бирже на чеки на Петроград и исчисления, согласно этих курсов, стоимости бумажного рубля в золотых копейках, и дает, таким образом, картину обесценения рубля. Приводимые ниже курсы показаны в рублях за 10 фунтов стерлингов (паритет: 10 фунтов стерлингов=94,575 рубля).

Чеки на Петроград стоили в Лондоне:

	1914 г.		1915 г.		1916 г.		1917 г.	
	Чек на Петроград.	Цена рубля.	Чек на Петроград.	Цена рубля.	Чек на Петроград.	Цена рубля.	Чек на Петроград.	Цена рубля.
Январь	—	—	113,9	82,8	160,5	58,9	165,3	57,2
Февраль	—	—	113,5	83,3	150.9	62,7	168,3	56,2
Март	—	—	114,1	82,9	152,2	62,1	166,9	56,7
Апрель	—	—	116,2	81,4	154,4	61,3	170,5	55,5
Май	—	—	123,0	76,9	155,8	60,7	180,3	52,5
Июнь	—	—	127,3	74,3	155,4	60,9	206.9	45,7
Июль	—	—	143,0	66.1	156,7	60,4	220,5	42,9
Август	—	—	135,2	70,0	150,3	62,9	258,1	36,6
Сентябрь	117,7	80,4	137,9	68,6	149,8	63,1	297,2	31,8
Октябрь	112.7	84,3	141,5	66.8	156,1	60,6	346,7	27,3
Ноябрь	117,4	80,6	146,3	64,6	159,2	59,4	—	—
Декабрь	117,4	80,6	154,6	61,2	159,8	59,2	—	—

Падение курса рубля обусловливалось целым рядом причин, в частности, пассивностью торгового и расчетного баланса России, так как во время войны вывоз был почти полностью прекращен, между тем, как из-за границы доставлялось в огромном количестве военное снабжение всякого

[1]) „Война и народное хозяйство“, изд. 2-е, стр. 55.

рода. Но на ряду с этим, значительное влияние на курс рубля имела, разумеется, и общая оценка военного, политического и финансового положения России. Невероятное увеличение выпуска кредитных билетов, при большой внутренней и внешней задолженности России, ставило под сомнение возможность их выкупа после войны и тем влияло на падение курса рубля; в этом же направлении влияла оценка военного положения России: от победоносной России можно было скорее ожидать выполнения ее финансовых обязательств, нежели от побежденной. Победы поднимали курс рубля, поражения вызывали его дальнейшее падение.

Февральская революция и первый период общего воодушевления после нее несколько подняли курс рубля в Лондоне; на Стокгольмской бирже также отмечается небольшое его повышение. Сильное увеличение выпуска кредитных билетов при Временном Правительстве, июльское выступление большевиков в Петрограде, неудача наступления Керенского в Галиции в июне—июле 1917 года вызвали дальнейшее падение курса рубля. После Октябрьской Революции курс рубля поднялся, видимо, под влиянием надежд на мир.

Обесценение рубля происходило неравномерно в различных странах; на Востоке, в частности, в Персии, обесценение рубля шло еще быстрее, чем на западных биржах. Предпринимались меры к поднятию курса рубля в Персии путем экспорта сахара и серебра; английские банки должны были скупать за счет русского правительства русские кредитные билеты, дабы таким путем уменьшить их предложение на персидских рынках. Предполагался также для этой цели выпуск внутреннего персидского займа в русской валюте. Вследствие Октябрьской революции все эти планы остались неисполненными.

Министерство финансов пыталось, конечно, поддерживать курс рубля. Подобно Германии, Россия также реализовала за границей свой запас иностранных ценных бумаг. Но так как этот запас был сравнительно невелик и, большей частью, находился за границей, да и владельцы ценных бумаг имели мало побуждений к тому, чтобы обменивать свои устойчивые ценные бумаги на падающую отечественную валюту,— эта мера имела весьма незначительный успех.

Внешние же займы предназначались для непосредственных нужд войны и не могли быть использованы для поднятия курса рубля.

Министр финансов Барк, на запрос в Государственной Думе 18 августа 1915 года, утверждал, что русские банки своими валютными спекуляциями понизили курс рубля, но что против них приняты строгие меры, давшие положительные результаты. Действительно, в конце июля фунт стерлингов значительно понизился, но так как в это же время имелись благоприятные сведения об операции в Дарданеллах, то возможно, что улучшение курса рубля вызывалось этим последним.

На курс рубля благоприятно влияли также покупки русской валюты немецким правительством, которое нуждалось в ней для оккупированных областей.

Особенно в 1917 году, когда беспорядки в стране увеличились, в газетах неоднократно указывалось на бегство капиталов из России, вследствие чего курс рубля претерпел дальнейшее понижение, и курс иностранных валют сильно поднялся. Несмотря на строгие осмотры, многим все-таки удавалось перевозить значительные суммы через границу. Между прочим, уже после Октябрьской революции на крупные купюры в 100 и 500 рублей существовал лаж, так как их было удобнее перевозить контрабандой, нежели мелкие купюры.

6. Обращение разменных денежных знаков.

С началом войны и с прекращением размена кредитных билетов на золото, золотые монеты исчезли из обращения. На 1-ое июля 1914 года, по данным Государственного Банка, в обращении имелось золотых монет на 463 миллиона рублей; на 1-ое января 1917 года исчислялось, что в обращении имелось золота на 436 миллионов рублей; таким образом, за $2^1/_2$ года войны было извлечено всего 27 миллионов рублей.

С осени 1915 года начали исчезать из обращения серебряные и даже медные монеты; но, независимо от этого, уже вскоре после начала войны обнаружился сильный недостаток в мелких денежных знаках. На 1-ое января 1914 года в обращении имелось: банковского серебра (рублей, полтинников и четвертаков) на 122,7 миллионов, мелких серебряных монет (20, 15, и 10 копеечных) на 103,1 миллионов и медных на 18,1 миллионов рублей.

Особенно остро ощущался недостаток звонкой разменной монеты в областях, угрожаемых неприятельским вторжением. Вследствие наплыва беженцев из западных губерний, разменный кризис в Петрограде, Москве и Киеве также значительно обострился. Наряду с возросшей потребностью стало сказываться также припрятывание мелких денег; особенно это было заметно в деревне, благодаря оказавшемуся в ней избытку денег.

Не дождавшись правительственных мероприятий, ряд городов, особенно в западных областях, принял меры к преодолению кризиса путем выпуска собственных денежных суррогатов.

В качестве замены недостающих разменных денег, были использованы почтовые марки подобно тому, как это имело место и в Германии.

Начиная с октября 1915 года, правительство стало выпускать денежные знаки образца почтовых марок, но сделанных из более плотной бумаги, на оборотной стороне которых имеется изображение орла и надпись: „имеет хождение наравне с серебряной разменной монетой"; на марках низшего достоинства имеется надпись: „имеет хождение наравне с медной монетой".

Кроме того, с декабря 1915-го года были выпущены бумажные денежные знаки в 1, 2, 3, 5 и 15 коп. Эти знаки, принимая во внимание их мелкое достоинство, хорошо исполнены.

Этих марок и денежных знаков имелось в обращении на 1-ое января 1916 года на 39,8 миллионов рублей, на 1-ое января 1917 г. 128,3 милл. рублей.

Государственный бюджет и налоги.

Обыкновенный и чрезвычайный бюджет на 1913-й год дал превышение доходов над расходами в 48,3 милл. рубл. В проекте бюджета на 1914 год предусматривалось: в обыкновенном бюджете доходов 3,52 миллиарда рубля и расходов 3,30 миллиарда руб, в чрезвычайном бюджете расходов 255 милл. рубл. и доходов 13,4 милл. рубл. В обыкновенном бюджете предусматривалось на армию 599 милл. рубл. и на флот 250 милл. рубл., в чрезвычайном бюджете еще 125 милл. рубл. на армию, а также 109 милл. рубл. на

железнодорожное строительство. В проекте бюджета на 1914 год расходов на вооружение предусматривалось на 195 миллионов руб. больше, нежели в бюджете на 1913 год. Займы не предусматривались.

С началом войны расходы на армию и флот проводились по специальному военному фонду. Из гражданского бюджета был вычеркнут ряд статей. Таможенные доходы, которые на 1914 год были исчислены в сумме 351,9 миллионов рублей, и поступления от казенных железных дорог, которые должны были дать 858 миллионов рублей, с началом войны значительно сократились, вследствие прекращения внешней торговли России и потому, что воинские перевозки вызвали значительное сокращение коммерческого движения.

Чрезвычайное значение для государственных финансов имело закрытие после начала войны на все время мобилизации государственных винных лавок и запрещение продажи спиртных напитков, за исключением ресторанов первого разряда и гостинниц. Это запрещение было затем продлено и, наконец, продолжено на все время до конца войны. Какое значение имела продажа водки для финансов, видно из того, что общие поступления от винной монополии в 1913 году составляли 899 миллионов рублей (чистый доход—664 милл. руб.) при обшей сумме доходов обыкновенного бюджета в 3,4 миллиарда; вследствие такого строения бюджета, который в значительной мере опирался на доходы от винной монополии, его называли „пьяным бюджетом". При недостаточном развитии налоговой системы России, винная монополия была особенно дорога министерству финансов, так как она обеспечивала регулярные и все возрастающие поступления. К непосредственной потере доходов от винной монополии присоединялось еще то, что приходилось содержать 100-тысячную армию служащих по винной монополии, а также то, что винокуренные заводы и имения, возделывавшие для них картофель, не легко и не сразу могли приспособиться к новым условиям и, естественно, оказывались менее ценными в налоговом отношении.

Чтобы возместить уменьшение доходов и превратить „пьяный" бюджет в „трезвый", сейчас же после начала войны был введен ряд новых налогов. Так, на железных дорогах был введен 15%-ный налог на перевозку пассажиров и багажа и, в качестве временного, еще дополнительный налог в 25%. Был введен также временный налог с грузооборота (с грузов, перевозимых по железным дорогам)

и временный налог с перевозимого хлопка в 2½ рубля за пуд. Поступления от этих налогов предполагались в 258 милл. рубл. С 1-го октября 1914 года были повышены почтовые, телефонные и телеграфные сборы, что должно было дать лишних 27,5 миллиона руб. Далее, был повышен кибиточный сбор с кочевых киргизов с 4—6 до 8 руб. Акциз на табак, чай, сахар, пиво, спички, керосин был повышен на 6—8%, был введен акциз на виноградные вина и налог с недвижимости был увеличен на 6—8%.

Налог с перевозимого хлопка вызвал большое недовольство, так как он распространялся в одинаковой мере на все перевозки, даже на кратчайшие расстояния.

Потери в доходах, вызываемые войной и, в особенности, запрещением продажи водки, составляли почти 19% обыкновенного бюджета на 1914 год; вместо 3,52 миллиарда рублей поступило только 2,89 миллиарда рублей, несмотря на то, что в мирные месяцы 1914 года доходы были выше предположенного по бюджету. Расходы составляли 2,93 миллиарда рублей и также оказались меньше предусмотренных бюджетом, так как, между прочим, 227 миллионов рублей текущих расходов на армию и флот были перенесены из бюджета в военный фонд. По военному фонду расходов было 1,93 миллиарда рублей, доходов—2,15 миллиарда рублей, из которых 1,62 миллиарда руб. поступило по займам. Заслуживают внимания следующие статьи расходов: по мероприятиям до мобилизации—11 милл. рублей, далее на войну за 1914 год—1.646,1 миллионов рублей. Дефицит по военному фонду был покрыт из кассовых остатков Государственного Казначейства от бюджетов прежних лет, которые к концу 1913 года составляли 514 милл. руб.

Ожидаемые поступления от повышения налогов в бюджет 1915 года были внесены в сумме 488 милл. рублей. В действительности доходы по обыкновенному бюджету оказались более, чем на 300 милл. рублей ниже предположенного и составили 2,8 миллиарда рублей. Причиной этого было то, что, во первых, поступления от винной монополии, предусмотренной в сумме 156 миллионов рублей, оказались меньше, так как города мало воспользовались предоставленным им правом разрешать продажу спиртных напитков в ресторанах 1-го разряда и, во-вторых, вследствие оккупации немцами и австрийцами ряда губерний и соответственного уменьшения налоговых поступлений. Железнодорожные налоги дали в 1915 г. 224,7 миллиона рублей, из которых налоги

с перевозимых грузов—112,8 милл. рублей. Расходы за 1915 бюджетный год составили 2,7 миллиарда рублей и оказались на 130 миллионов рублей ниже предположенного. На нужды войны было израсходовано 8,82 миллиарда рублей и получено доходов путем кредитных операций 8,27 миллиарда рублей.

В объяснительной записке к проекту бюджета на 1916 год было указано, что часть введенных в 1915 году налогов не оправдала себя и должна быть отменена, и что для увеличения текущих доходов должны быть введены прямые налоги, прежде всего, прогрессивный подоходный налог; далее, должен быть развит налог на наследство, повышен налог на земельную собственность и введен налог на земельную собственность в Туркестане. Далее, должен был быть введен единовременный налог с лиц, освобожденных от военной службы; он должен был также побудить крестьянство к продаже сельско-хозяйственных продуктов, но в 1916 году этот налог введен не был. Предполагалось обложение электричества, тканей и некоторых других предметов. Доходы эти предназначались не на покрытие военных расходов, которые и дальше должны были покрываться кредитными операциями, но должны были служить для покрытия расходов гражданского бюджета. Эти налоги должны были дать:

Подоходный налог	75	милл.	руб.
Налог с ипотек.	8	„	„
Военный налог (с освобожденных от воен. службы)	10	„	„
Повышение налога на земельную собственность	32,7	„	„
Повышение налога на дома	13,0	„	„
Повышение налогов на промышленность	66,0	„	„
Налог на недвижимость в Туркестане .	5,0	„	„
Мелкие налоги	6,1	„	„
Всего	215,8	милл.	руб.

Повышение налогов на транспорт должно было дать 59,3 милл. руб., прочие косвенные налоги 585,7 милл. руб., из них вновь вводимые налоги 305,5 милл. руб.

Закон о подоходном налоге был утвержден лишь 6 апреля 1916 года. Проведение этого налога в России, к тому же в военное время, было особенно трудно, так как приходилось строить заново весь необходимый аппарат. Еще больше,

чем в Германии, в России, особенно купцы, стремились скрыть свое действительное материальное положение; так, например, ценные бумаги они хранили преимущественно в сейфах; самые бумаги большей частью не именные, а на предъявителя. При этих условиях и возможностях сокрытия действительных доходов, успешное проведение подоходного налога предполагает такую налоговую честность, которой не имелось и в довоенной России, не говоря уже о России 1916 года, в которой военная спекуляция была распространена во всяком случае не меньше, чем в других странах. В основе закона о подоходном налоге лежал проект, разработанный еще в 1907 году. Он распространялся на всю империю, за исключением Финляндии. Налогу подлежали доходы всякого рода, за исключением наследств, дарений, страховых премий, выигрышей по выигрышным займам. Согласно закона, обложению подлежали доходы свыше 850 руб. в год. По поводу необлагаемого минимума разгорелась оживленная борьба. Государственная Дума установила его в 1000 рублей, Государственный Совет, по предложению министра финансов, уменьшил его до 700 рублей.

Возражавшие против установления столь низкого необлагаемого минимума указывали на то, что налоговые тяготы будут распределены неравномерно, что низшие классы сильнее обложены, нежели высшие, и что необходимо поэтому, для более равномерного распределения налоговых тягот, установить более высокий необлагаемый подоходным налогом минимум. Далее указывалось на то, что сумма в 700 рублей составляла ко времени обсуждения этого вопроса, в начале 1916 года, вследствие падения покупательной силы рубля, только 300—350 р. довоенных, и в случае обложения мелких доходов от 700—1.000 р. налог коснется широких масс населения, для которых он окажется непосильным, так как их жизненный уровень и без того понизился, вследствие обесценения рубля. Обложение таких мелких доходов поведет к сравнительно высоким организационным расходам по самому проведению налога при незначительных поступлениях его с мелких плательщиков.

Установление необлагаемого минимума в 850 р., при все продолжающемся обесценении рубля, вызвало резкие требования пересмотра закона с тем, чтобы необлагаемый минимум был установлен в 1.500 рублей.

13-го мая 1916 года, в порядке статьи 87-ой основных законов, был введен налог на военную прибыль, в качестве

временного налога на 1916 и 1917 год. По этому закону обложению подлежали: чистая прибыль обществ, превышавшая 8% на основной капитал и чистую среднюю прибыль за 1913 и 1914 г.г.; чистая прибыль прочих предприятий, поскольку она превышала 2.000 р. и чистую прибыль за 1913—1914 г.г.; содержание и тантьемы директоров и членов наблюдательных советов и проч. подлежали налогу, поскольку они превышали на 500 р. среднее за 1913 и 1914 г.г. Налог составлял для обществ 20% прибыли, превышающей 500 р. при чистой прибыли в 8—9%, 21% при 9—10% и т. д., до 40%, но не должен был, включая подоходный налог, превышать 50% прибыли. Промышленники резко боролись против этого налога, указывая на то, что русская промышленность еще молода и слаба и может быть задавлена этим налогом.

Министр финансов Временного Правительства Терещенко имел в виду коренную налоговую реформу—прежде всего проведение ряда прямых налогов, как, например, поимущественного и с прироста ценностей; но вскоре министерство финансов оставило эти планы и вновь обратилось к косвенным налогам и монополиям; так была введена хлебная монополия, правительственная монополия по продаже твердого минерального топлива и сахарная монополия.

В 1917 году налог на военную прибыль был значительно увеличен. Налогу подлежала чистая прибыль, начиная с 6%, вместо прежних 8%; предусматривалась более сильная прогрессивность обложения, и предельное обложение всеми налогами было установлено в 90% всей прибыли, вместо прежних 50%. Это повышение встретило сильный отпор, особенно понижение „прожиточного минимума" предприятий до 6%, при чем указывалось, что военные займы дают больше 6%.

Сберегательные кассы.

В первые месяцы войны вклады в государственных сберегательных кассах уменьшились, так как призванные по мобилизации вынимали свои вклады, да и общая паника побуждала иметь на руках наличные деньги. Впоследствии вклады значительно увеличились, при чем это увеличение наблюдалось и после февральской революции, между тем, как в это

время приток депозитов в частных банках заметно уменьшился. Общая сумма вкладов в сберегательных кассах составляла:

на 1 июля	1914	года	1.704	м. р.
„ 1 августа	1914	„	1.663	„ „
„ 1 сентября	1914	„	1.673	„ „
„ 1 октября	1914	„	1.699	„ „
„ 1 января	1915	„	1.834	„ „
„ 1 „	1916	„	2.448	„ „
„ 1 „	1917	„	3.769	„ „
„ 1 февраля	1917	„	3.904	„ „
„ 1 марта	1917	„	4.028	„ „
„ 1 октября	1917	„	4.915	„ „

Министр финансов Барк объяснял рост вкладов в сберегательных кассах прекращением продажи водки: в первые 6 месяцев 1915 г. по сравнению с тем же периодом 1914 года, вследствие запрещения продажи водки, казна потеряла 405 милл. рублей; прирост же вкладов в сберегательных кассах за тот же период составлял 382 милл. руб., т.-е. почти ту же сумму; таким образом, сбережения населения на водке поступили в сберегательные кассы.

Во всяком случае в России, как и в Германии, благодаря распродаже скота, продаже запасов по повышенным ценам и реквизициям для армии, в деревне появилось много наличных денег, которые крестьянство не могло использовать для закупки необходимых ему предметов, в виду отсутствия их на рынке; разумеется, и запрещение продажи водки оказало значительное влияние на прирост вкладов в сберегательных кассах.

Число сберегательных касс во время войны было значительно увеличено, в целях максимального извлечения денежных знаков из широких кругов населения; был также отменен предельный размер общей суммы вкладов, который прежде составлял 1.000 рублей.

Банки.

В начале войны банки оказались в несколько затруднительном положении, так как они не были в состоянии удовлетворить всех вкладчиков, стремившихся изъять свои вклады. Депозиты банков, составлявшие на 1-ое июля 1914 года 2.039 милл. руб., уменьшились до 1.814 милл. рублей, т.-е. почти на $^1/_4$ миллиарда руб. Хотя с началом войны потреб-

ность клиентов банков в наличных деньгах и возросла, все же столь большое уменьшение депозитов объясняется, отчасти, также недоверием к прочности банков. К этому присоединилась трудность реализации ценных бумаг вследствие закрытия биржи, а также непоступление платежей по векселям из западных губерний, на которых был распространен мораторий. Государственный Банк пришел на помощь частным банкам путем переучета их векселей и выдачи ссуд под ценные бумаги; им было выдано 425 миллионов рублей. С конца августа 1914 года вклады в банках стали опять увеличиваться; на 1-ое сентября 1914 года они составляли 1.902,6 милл. руб., на 1-ое ноября 1914 года 2.027,4 милл. руб.

Потрясение кредита сказывалось также и в том, что сделки производились, главным образом, на наличные, а не по векселям. Доброкачественные торговые векселя все больше и больше исчезали из оборота. Хотя вексельный портфель банков, после уменьшения на 1/4 миллиарда в первый год войны, затем опять возрос, но, сравнительно с прочими операциями банков, он потерял свое прежнее значение. В портфелях банков были, главным образом, векселя, на которые распространялся мораторий, финансовые векселя и только небольшая часть товарных векселей.

В первый год войны банки ограничили кредиты торговле и промышленности, не работающей на оборону. Когда после поражения 1915 года лозунгом дня стала „мобилизация промышленности“, началось усиленное грюндерство, особенно со стороны спекулятивных банков.

Согласно постановления совещания руководящих банков, в 1916 году был организован для представительства банковских интересов постоянный комитет банков в составе 16 членов.

В 1916 году, а еще больше того в 1917 году, чрезвычайно возросли обороты и прибыли банков; оборот 8-ми крупнейших банков в 1916 году составлял 286,6 миллиарда рубл. (в предыдущем году 191,7). Валовая прибыль — 174,6 милл. рубля (в предыдущем — 103,1). Доходы от процентов по ссудам возросли до 101,4 милл. руб., в 1916 году против 70,8 в 1915 году, т.-е. на 43,2%, от комиссий с 25,6 до 41,1 милл. рубля, т.-е. на 60,7%, от операций с ценными бумагами с 1,78 до 23,5 милл. руб. т.-е. на 1.223%. Из последних 2-х статей видно, что в 1916 году вновь развернулась спекуляция. Дивиденды банков тоже сильно возросли; так, Волжско-Камский и Сибирский банки выдавали по 24%; Азовско-Донской — 20%.

По данным совета съездов акционерных банков, банки взяли на себя из военных займов следующие суммы:

1-й военный заем	300	милл. рублей
2-й „ „	217	„ „
3-й „ „	683	„ „
4-й „ „	350	„ „
5-й „ „	683	„ „
6-й „ „	1.800	„ „
Всего	4.033	милл. рублей.

Таким образом, из номинальной суммы в 8 миллиардов рублей банки взяли 4.033 мил. рубля, т.-е. несколько больше половины; считая и 7-й „заем свободы“, эта сумма возрастет до 6,2 миллиарда рублей.

Пятипроцентных краткосрочных обязательств было ими учтено на 2 миллиарда рублей. Если к тому же принять во внимание 350 мил. рублей железнодорожного займа и кредиты на 1,2—1,5 миллиарда рублей, предоставленные банками военной промышленности, городам и земствам, то участие акционерных коммерческих банков в финансировании войны выразится в общей сумме свыше 9-ти миллиардов.

Банкам делались упреки в том, что они участвуют в спекуляциях продовольствием и тем взвинчивают и без того уже высокие цены. По условиям русского хозяйства, банки сравнительно много больше, чем на Западе, открывают кредиты под хлеб, сахар, лес и т. д., при чем им часто приходится продавать их за свой счет. Поэтому они, естественно, заинтересованы в высоких ценах с тем, чтобы обеспечить выданные кредиты и не потерпеть убытков в случае продажи за свой счет. С потрясением кредита товарные сделки все больше и больше совершались на наличные, вследствие чего товарные операции банков значительно расширились. Оптовики получали в банках подтоварный кредит, закупали товары, которые хранились на складах банков или на других складах на имя банков и, благодаря этому, имели возможность выждать благоприятный момент для продажи товаров, а также легко скупать большие партии товаров и тем взвинчивать цены. Ссуды, выданные банками под товары и под складские свидетельства, в начале войны почти не уменьшались и вскоре стали возрастать. Так, в начале 1916-го года они превосходили $^1/_2$ миллиарда руб., а в начале 1917 го года $^3/_4$ миллиарда рублей, между тем как прежде они составляли около 300 миллионов рублей; правда, при этом необходимо учесть вздорожание товаров. Большие

прибыли от подобной торговли товарами побудили банки производить эти операции за свой счет. Отдельные банки хранили даже товары не в своих складах, а в самих зданиях банков. Часто эти товарные операции проводились на имя подставных лиц, так что в балансах они фигурировали, как кредиты клиентам. Если подобные операции и не являлись основной причиной дороговизны, то все же способствовали росту цен и исчезновению с рынка наиболее необходимых предметов.

В марте 1916-го года Государственная Дума поручила министру финансов принять необходимые меры к прекращению незаконной и вредной спекуляции некоторых банков продовольствием и другими товарами первой необходимости.

Согласно постановления Совета Министров, была произведена ревизия всех товарных, валютных и гарантийных операций московских и петербургских коммерческих банков. Банкам было, в конце-концов, запрещено выдавать кредиты под залог хлопка и тканей. После всех этих происшествий план министра внутренних дел Протопопова, желавшего преодолеть продовольственный кризис при помощи банков, с их широко развитой сетью отделений, встретил всеобщие резкие возражения.

В конце 1916-го года и в 1917-м году банки весьма сильно увеличили свои акционерные капиталы. Это отчасти вызывалось обесценением рубля, общим ростом оборотов и тем грюндерством, которое развивалось во второй половине 1916 года, но значительное влияние оказал закон об обложении военных прибылей. Согласно этого закона, обложению подлежали прибыли свыше 8% на основной капитал, поэтому представлялось весьма желательным „разводнение“ капитала.

Из иностранных банков Нью-Иоркский National City Bank открыл в 1916 году отделение в Петрограде, а затем и в Москве, при чем в этих отделениях наблюдался сильный приток вкладов, особенно, в 1917-м году, так как публика считала, что американский банк находится вне опасности от посягательства со стороны русского правительства.

Петербургская фондовая биржа была закрыта 16-го июля 1914 года, провинциальные биржи были закрыты вслед за этим. Открытию биржи противилось министерство финансов, которое опасалось сильного притока русских ценных бумаг из-за границы. 6-го февраля 1917 года Петроградская биржа была открыта для операций с некоторыми бумагами, но после февральской революции была вновь закрыта.

Промышленность.

Общие сведения.

Вследствие войны русская промышленность была отрезана от западных рынков, откуда она в мирное время получала не только сырье и полуфабрикаты, но, главным образом, машины и части их. На первое время хватило еще прежних запасов, и машины оставались в работе, несмотря на то, что не мог быть произведен необходимый ремонт их.

Русская крупная промышленность сравнительно молода; в последнее десятилетие прошлого столетия она пережила период сильного развития, который сменился затем застоем, продолжавшимся до 1908 го года. Этот застой был вызван общим хозяйственным кризисом в Европе, неурожаями, русско-японской войной и последовавшей революцией 1905-го года. Хорошие урожаи способствовали общему подъему народного хозяйства в последние годы перед войной, который в отношении промышленности характеризуется следующими цифрами. Продукция промышленности оценивалась:

в 1910 году	3,41	миллиарда	рублей.
„ 1911 „	3,71	„	„
„ 1912 „	4,01	„	„

Благодаря протекционной системе, промышленность развивалась часто в таких местах, которые не представляли для этого естественных условий. Примером может послужить петербургская металлическая промышленность, для которой приходилось не только металл, но и топливо привозить издалека: в 1912-м году в Петербург было привезено 128 мил. пудов каменного угля из-за границы; продовольствие для рабочих также приходилось привозить, большей частью, из приволжских губерний, так как, вообще, вся северная часть России нуждалась во ввозе продовольствия. Самое строительство в болотистом петербургском районе обходились дорого.

Заболеваемость и смертность среди рабочих, особенно туберкулезом, при суровом, влажном и непостоянном петербургском климате весьма значительна, и это, естественно, также удорожает производство. Таким образом, ни один естественный фактор не мог способствовать колоссальному развитию петербургской металлической промышленности, разве кроме удобства его приморского положения, но и это соображение не могло иметь значения, так как петербургская промышленность не работала на вывоз.

Первоначально война сравнительно мало задевала промышленность, в дальнейшем же она тяжело отозвалась на ней. По данным министерства торговли и промышленности, на 1-е октября 1914 года, т. е. через $2^{1}/_{2}$ месяца после начала войны, из 8.550-ти более крупных предприятий, без Польши, с 1,6 миллиона рабочих, 502 предприятия с 46.500 рабочими совершенно прекратили производство, 1.034 предприятия сократили его (319.000 вместо 435.000 рабочих), 125 предприятий расширили производство и увеличили число рабочих с 88.000 до 105.000. Среди причин сокращения производства уже в первые месяцы войны указывается следующее: недостаток сырья (хлопчато-бумажная, шерстяная, шелковая и химическая промышленность), недостаток рабочих и топлива, расстройство железнодорожного транспорта и финансовые затруднения.

Особенное влияние на промышленность оказывали: рабочий вопрос, эвакуация предприятий из угрожаемых неприятельским вторжением областей и, так называемая, мобилизация промышленности.

Рабочий вопрос.

А. Недостаток рабочей силы.

Уже вскоре после начала войны в промышленности сказался недостаток рабочей силы, особенно, квалифицированных рабочих; правительство и промышленность стремились восполнить его путем использования беженцев, военнопленных, ввоза желтых рабочих, применением женского и детского труда, ночными и сверхурочными работами.

Недостаток рабочей силы вызывался двумя причинами: во время войны возросла самая потребность промышленности и большое число рабочих было призвано в армию.

Так как Россия была отрезана от своих обычных источников получения фабрикатов, она нуждалась в большом числе рабочих, чтобы, по возможности, возместить отсутствие ввоза; к тому же военная промышленность, вследствие крупных и срочных заказов, предъявляла сильный спрос на рабочую силу. Благодаря запрещению продажи водки, сильному росту цен на сельско-хозяйственные продукты и пособиям семьям призванных на военную службу, в деревне скоплялось много денег, благодаря чему она стала потреблять такие товары, которых прежде никогда не покупала, и спрос на эти товары еще более возрос. Так как Россия не имела значительной промышленности, работающей на вывоз на западные рынки, прекращение вывоза не отразилось на промышленности, за исключением деревообрабатывающей, и не освободило рабочих рук.

Призывы в армию уже к весне 1916-го года уменьшили мужскую рабочую силу в некоторых районах на 20—25%. Число призванных составляло:

Мирный состав армии и флота				1.370.000
Призвано в течение	2-го	полугодия	1914 го г.	5.115.000
„ „	1-го	„	1915-го „	2.330.000
„ „	2-го	„	„ „	2.880.000
„ „	1-го	„	1916-го „	1.475.000
„ „	2-го	„	„ „	1.270.000
„ „	1-го	„	1917-го „	630.000
Всего				15,070,000

Хотя может случиться, что некоторые числа фигурируют дважды, как, например, вновь призванные из числа освобожденных, призванные и получившие отсрочку после призыва, но все же в России, как и в других воевавших странах, должен был оказаться недостаток рабочих, особенно квалифицированных, так как предприятия лишались наиболее здоровых и ценных для производства рабочих.

Значительное число фабричных рабочих вернулось в деревню, так как и там оказался недостаток рабочей силы, условия же жизни были лучше, чем в городах. В этом отношении большое значение имела одна особенность русских рабочих. Как мы уже говорили, русская крупная промышленность сравнительно молода; значительная часть фабричных рабочих пришла в фабричные центры из деревень, в которых часто оставались жить их семьи; их связи с деревней значительно теснее, чем у фабричных рабочих За-

падной Европы. Часть этих рабочих поступает на фабрики и рудники только на зиму, с весны же до осени они возвращаются в деревню, часть же из них составляют безземельные крестьяне из окрестных деревень. Это имеет место, главным образом, в уральской и сибирской промышленности, в Московском и Южно-Русском районе; в Петрограде же и в Риге вырос городской промышленный пролетариат.

Недостаток рабочей силы обострялся еще тем, что немецкие и австрийские инженеры, техники и прочий персонал были интернированы и, большей частью, высланы в восточные земледельческие губернии; многие же французские и бельгийские инженеры и техники были отозваны из России на родину. Между тем иностранцы составляли значительную часть технического персонала; так, например, по данным совета съездов горнопромышленников юга России, в металлургической и железоделательной промышленности в 1913 году было занято:

Инженеров и прочих лиц с высшим образованием:

Русских	383 (78%).
Иностранцев	111 (22%).

Лиц со средним техническим образованием:

Русских	277 (60%).
Иностранцев	189 (40%).

В России всегда ощущался недостаток в хороших мастерах и квалифицированных рабочих, отчасти вследствие недостаточного распространения образования в народе. В виду недостатка обученных рабочих, некоторые фабрики во время войны, между прочим Путиловский завод, пытались обучать молодых рабочих с помощью опытных рабочих и мастеров. Эта мысль была поддержана рядом организаций, особенно военным комитетом объединенных научных и технических организаций. Он организовал летом 1915 года при отдельных фабриках курсы для различных отраслей промышленности; слушатели этих курсов должны были затем явиться инструкторами рабочих. На эти курсы предполагалось привлекать квалифицированных рабочих и мастеров, но предприятия неохотно давали своих малочисленных работников этих ценных категорий и поэтому на курсы поступали почти исключительно студенты технических учебных заведений. Большинство промышленников

относилось отрицательно к ним, главным образом, из опасения политической агитации студентов и раскрытия фабричных секретов.

Б. Меры по обеспечению промышленности рабочей силой.

В качестве замены недостающих рабочих должны были первоначально послужить беженцы из западных губерний. При отступлении русских войск громадная толпа беженцев устремилась на восток. Уже в 1914 году военные власти выслали часть еврейского населения из западной Польши: в феврале 1915 в одной Варшаве насчитывалось 40.000 евреев, высланных из Жирардова, Сохачева и прочих мест; они должны были в несколько часов покинуть свои жилища и могли взять с собой лишь кое-что из имущества. Поток беженцев невероятно возрос при отступлении весной и летом 1915 года, он еще усилился вследствие эвакуации фабрик с их рабочими. Среди беженцев царила невероятная нужда. Волна беженцев представляла опасность для всей страны, так как они несли с собой заразу и болезни, которые получали широкое распространение при подобном переселении народов и при тех антисанитарных условиях, в котором оно происходило. Помощью беженцам ведали, так называемый, Татьянинский комитет помощи жертвам войны, Всероссийский Земский и Городской Союзы, национальные комитеты помощи беженцам: еврейские, латышские, польские и другие. Министерством внутренних дел для заведывания делами о беженцах были назначены 2 уполномоченных. Беженская волна прекратилась лишь в конце 1915 года.

Земский и городской союзы вели статистику беженцев, которая должна была выяснить возрастной состав, специальность и трудоспособность беженцев для приискания им работы. Когда дело это было уже налажено, дальнейшее проведение его было запрещено и передано в правительственный Татьянинский комитет. По подсчетам этого комитета, а также отделения о беженцах министерства внутренних дел и Земского и Городского союзов, число беженцев составляло:

по 1915-й год	2,6—3 милл.
„ 1916-й „	3,3 „

Земский и городской союзы и прочие организации оказывали продовольственную и санитарную помощь беженцам и учредили бюро по розыску потерянных членов семьи, чтобы дать возможность семействам разыскать своих потерянных родственников.

Власти были склонны применить к беженцам принуждение, чтобы заставить их принимать всякую предложенную работу. Беженцев упрекали в лени и в уклонении от труда и им угрожали лишением пайков. Беженские комитеты заявляли, что не может быть и речи об общем уклонении беженцев от труда, но предлагаемая работа часто не находила желающих или потому, что предлагаемая заработная плата была ниже обычной, или вследствие нежелания оставить семью.

Был учрежден целый ряд бюро труда для беженцев: Земским и Городским Комитетами, Татьянинским комитетом, еврейским, польским и прочими комитетами помощи беженцам, которые конкурировали между собой в поисках работы и стремились найти любую работу для „своих" беженцев. Благодаря этому, они понижали заработную плату не только для беженцев, но и для прочих рабочих, что вызвало среди последних недовольство и волнения. По 38-ми провинциальным бюро труда с 1-го ноября 1915 года до 1-го марта 1916 года было зарегистрировано: 122.620 открытых мест и 99.195 предложений труда; работу получили 72.715 беженцев. Часть беженцев получила работу в учреждениях и предприятиях Земского и Городского Союзов.

Подыскивание труда для беженцев было делом нелегким; они, большей частью, не могли быть использованы в качестве фабричных рабочих, так как, в подавляющей массе, состояли из крестьян, торговцев, мелких рантье, лиц свободных профессий и т. п.; рабочих было около 1/4 миллиона мужчин и одного миллиона женщин. Так как беженские бюро труда Всероссийских Земского и Городского Союзов имели тенденцию превратиться в биржи труда и для прочих безработных, с привлечением представителей от организаций работодателей и рабочих, они были закрыты правительством под тем предлогом, что на это тратятся средства, отпущенные исключительно для помощи беженцам.

Более значительным было использование рабочей силы военнопленных.

По материалам генерального штаба на первое октября 1915 года было занято военнопленных:

В сельском хозяйстве	266.146
В городских и земских предприятиях	29.403
По министерству путей сообщения	81.561
„ минист. торговли и промышленности	102.561
„ Главному упр. землеустройства и земледелия	32.313
„ Военному министерству	44.113
Итого	556.097

В начале 1916 года было занято 700.000 военнопленных, из них 260.000 в сельском хозяйстве. В феврале 1916 года промышленности было предоставлено еще 20.000 военнопленных, из них 11.000 южно-русской промышленности, 5.500 уральской и 3.500 казенным горнопромышленным предприятиям. 25% заработка военнопленных отчислялось в особый фонд; промышленники возражали против этого отчисления, так как это отрицательно влияло на производительность труда военнопленных.

Далее, одним из средств к увеличению рабочей силы было предоставление отсрочек или освобождение от военной службы рабочих предприятий, работавших на оборону, и предоставление отпусков солдатам на время посева и уборки урожая.

С конца 1915 года освобожденные от военной службы рабочие могли менять место работы лишь с письменного согласия того предприятия, по которому они получили отсрочку или освобождение от военной службы, аналогично тому, как это было в Германии.

В конце концов пришлось для нужд уральской и южнорусской промышленности привлечь рабочих китайцев, корейцев и персов. В октябре 1916 года китайцы появляются и на рынке труда в Петербурге. В декабре 1916 года на Кавказе к работе были привлечены туркмены и сарты. Даже в июле 1917 года, когда закрылась значительная часть предприятий и началась безработица, еще продолжали прибывать желтые рабочие; министр труда Временного Правительства начал принимать меры к прекращению дальнейшего притока их.

Недостаток мужских рабочих рук стремились возместить привлечением к работе женщин, подростков и стариков. Общее число рабочих сократилось сравнительно мало. В предприятиях, подведомственных фабричной инспекции (исключая Варшавский район), было рабочих: в конце 1913 года—1.966 тысяч, в конце 1915 года—1.922.572; но

качественный состав их значительно изменился к худшему. В предприятиях, подведомственных московской фабричной инспекции, было взрослых мужчин—рабочих: на 1-е января 1914 года—386.723, на 1 января 1916 года 316.436, т.-е. число их уменьшилось больше чем на 70.000, число занятых взрослых женщин за тот же период увеличилось с 303.780 до 352.824, т.-е. на 49.000, число подростков обоего пола увеличилось с 81.109 до 100.864, т.-е. на 19.755.

Вследствие сильного увеличения числа женщин, подростков, стариков, военнопленных, желтых рабочих, которые были менее приспособлены к фабричной работе и менее обучены, чем призванные в армию рабочие, производительность труда, естественно, сильно упала.

В предприятиях, работавших на оборону, особенно в текстильной промышленности, широко применялись работы сверхурочные и ночные, а также в праздничные и воскресные дни, в том числе, и для подростков и детей.

В. Биржи труда.

Хорошо организованная сеть бирж труда могла бы способствовать целесообразному регулированию рынка труда, но в России дело трудового посредничества было развито мало, и регулирование рынка труда происходило, так сказать, стихийно. Так, например, каждую весну толпы рабочих устремлялись на юг и на рынках южных городов нанимались сельскими хозяевами. Подобная беспорядочность и стихийность наблюдается и во время войны; так, в Екатеринославе на 22.000 открытых мест можно было нанять только 1.000 человек, так как навезли беженцев-крестьян, а требовались горнорабочие. Во время войны был учрежден ряд бирж труда, как-то: в Минске, Двинске, Могилеве, Орше, Витебске и Смоленске, но в виду новизны дела и недостатка подготовленного персонала успех мог быть только незначительный.

Была сделана неудавшаяся попытка централизовать при Петроградской бирже труда спрос и предложение труда по всей империи. В декабре 1915 года обсуждался вопрос, также не получивший разрешения, о реорганизации Петроградской биржи труда на паритетных началах, т.-е. о привлечении к управлению ею рабочих и работодателей в равном числе.

Установить точно положение на рынке труда за время войны не представляется возможным. Данные крупнейшей биржи труда — Петроградской — сообщают только число посетителей, а не число ищущих работы. Русские биржи труда, вообще, охватывают только незначительную часть спроса и предложения труда. Из сообщений специальной прессы видно, что к концу 1915 года, когда началась мобилизация промышленности, оказался усиленный спрос на рабочих, особенно на металлистов, и недостаток вообще обученных рабочих непрерывно возрастает; особенно часто отмечается также недостаток лесорубов. Совет съездов торговли и промышленности в 1915 году оценивал потребность в рабочих для Донецкого бассейна в 100.000, для Урала в 20.000 и в 10.000 для Петрограда и Москвы. В течение 1916 года недостаток рабочей силы возрастал; с июля 1917 года, в связи с общим политическим положением и закрытием части предприятий, недостаток рабочих уменьшился, и в крупных городах появилась безработица; в сельском хозяйстве еще продолжал ощущаться сильный недостаток рабочих рук. Министры труда и продовольствия обратились к местным продовольственным комитетам с запросом, нельзя ли применить безработных фабричных рабочих для сельских работ. Комитеты отклонили это предложение, ссылаясь на технические трудности, и предъявили требования на военнопленных, которые и были сняты с работ в промышленных предприятиях, а их места были замещены безработными.

Г. Влияние запрещения продажи водки.

Запрещение продажи водки оказало значительное влияние на производительность труда рабочих. Похмельные послепраздничные дни и „синие понедельники“ почти совсем исчезли; рабочее время стало лучше соблюдаться; по данным фабричной инспекции число штрафов за прогулы в Московском районе составляло:

в 1913 году	289.836
„ 1915 „	159.276

сумма же их за те же годы уменьшилась с 130.000 рублей до 53.000; нужно при этом все же принять во внимание, что и число рабочих мужчин, особенно молодых, наиболее

подверженных пьянству, также уменьшилось. Физическое состояние рабочих улучшилось, число заболеваний и, особенно, число несчастных случаев уменьшилось; производительность труда рабочих увеличилась, темп работы ускорился, портилось меньше материала и инструментов. По одному из сообщений московского общества фабрикантов и заводчиков — производительность труда, благодаря уменьшению прогулов и повышению интенсивности труда, увеличилась: для текстильных рабочих на 3,1%, для металлистов — на 10,5.

Д. Заработная плата и рабочее время.

Весьма трудно получить исчерпывающую картину движения заработной платы во время войны. Предприниматели жалуются на постоянные требования рабочих об увеличении заработной платы, рабочие утверждают, что рост заработной платы значительно отстает от общего роста цен, утверждают, что сбережения рабочих, вследствие запрещения продажи водки и увеличения производительности их труда, совсем не достаются рабочим, или только в незначительной части, так как работодатели, вследствие боязни рабочих перед призывом в войска, могут удерживать низкую заработную плату. При одном из посещений министром торговли и промышленности Донецкого бассейна, им было установлено, что повышение заработной платы совершенно не соответствовало росту стоимости жизни.

Получить объективную картину движения заработной платы в России, при ее обширной территории, разнообразии условий и различных отраслях промышленности и отсутствии статистики заработной платы, совершенно невозможно. Сопоставление имеющихся статистических данных затрудняется еще тем, что в России фабричные рабочие часто живут в фабричных казармах, и это влияет на размер денежной заработной платы. По отдельным данным статистического бюро общества фабрикантов и заводчиков Московского промышленного района, движение заработной платы представляется в следующем виде.

Средняя месячная заработная плата взрослого рабочего мужчины в Московском промышленном районе составляла (в рублях):

Отрасль промышленности.	Январь 1916 г.	Июнь 1916 г.	Увеличение в процентах.
Металлическая промышленность	49,49	95,23	+ 92,7 (+ 92,4) [1]
Химическая промышленность	43,75	77,33	+ 77,0 (+ 76,5) [1]
Добыча и обработка минералов	30,85	48,02	+ 55,7 (+ 55,6) [1]
Рудная промышленность	43,48	63,31	+ 45,8 (+ 45,6) [1]
Пищевая „	43,24	63,08	+ 45,8
Обработка животных продуктов	59,64	84,81	+ 42,2
Текстильная промышленность	38,86	54,29	+ 40,4
Деревообделочная промышленность	36,78	51,10	+ 38,9
Электротехническая промышленность	94,46	130,47	+ 38,1
Полиграфическое производство	46,28	44,78	— 3,3
Прочие отрасли промышленности	53,70	70,02	+ 30,3

Наиболее сильный прирост показывают металлическая и химическая промышленность, меньше—электрическая промышленность, у которой наибольшая заработная плата. Для отдельных категорий рабочих московской промышленности приводятся следующие данные.

Средняя почасовая плата одного рабочего (в копейках):

	Октябрь—ноябрь 1915 года.	Июнь 1916 года.
Токарь	41,4	62,8
Слесарь (сдельно)	31,8	47,0
„ (поденно)	24,1	43,0
Слесарь-инструментальщик	29,7	83,3
Модельщик	32,8	53,0
Литейщик	33,1	48,9
Кузнец	46,3	67,5
Молотобоец (сдельно)	24,1	38,2
„ (поденно)	16,7	35,4

[1]) В скобках показано %-ное отношение, полученное путем деления указанных в первых двух столбцах чисел и отличающееся от показанного в третьем столбце.

При исчислении этой почасовой платы приняты во внимание сверхурочные и прибавки на дороговизну.

По данным Морозовской биржи труда в Москве, заработная плата была значительно ниже. Так как в Московском районе, примерно, 60% предприятий имело 10-часовой рабочий день, поденную плату можно вычислить путем помножения вышеуказанной почасовой платы на десять. По данным биржи труда, предполагаемая дневная заработная плата составляла:

	В январе 1916 г.	В июне 1916 г.
Кузнецы	2.00 — 3 руб.	4 — 5 руб.
Молотобойцы	1.50 — 2 „	2 — 4 „

По выборке из статистики заработной платы этой биржи труда, заработная плата строительных рабочих представляется следующей:

	Плотники.	Маляры и кровельщики	Землекопы.	Каменщики.	Необученные рабочие.
1914 г. февраль . .	1,25—1,70	1,15—1,60	0,80—1,00	— —	— —
1915 „ „ . .	1,59—3,00	1,25—2,00	1,00—1,50	— —	— —
1916 „ январь . .	2,50—3,50	2,25—3,50	2,50—2,50	2,50—3,00	1,50—2,50
1916 „ февраль . .	2,50—4,00	2,25—4,00	2,25—3,00	2,50—3,50	1,70—3,00
1916 „ август . .	4,00—7,00	3,50—6,00	3,50—5,00	4,00—6,00	2,75—4,00

В качестве причины повышения заработной платы строительных рабочих указывается, что предложение далеко не соответствовало спросу, обусловливавшемуся железнодорожными и военными строительными работами.

В одной из статей, помещенных в журнале Совета съездов промышленности и торговли, средняя заработная плата исчислена для некоторых категорий рабочих, исходя из взносов в больничные кассы по 15 петроградским пред-

приятиям. Согласно этого исчисления, средняя почасовая плата составляет (в копейках):

	1915 год.	Нач. 1916 года.
Оружейный токарь	44	74
Токарь-инструментальщик	46	68
Токарь	39	56
Слесарь	28	47
Слесарь-инструментальщик	38	59
Оружейный слесарь	37	52
Фрезеровщик	29	49
Кузнец	38	60
Строгальщик	34	57
Молотобоец	20	31
Литейщик	40	55
Столяр	33	48
Плотник	19	30
Маляр	37	44
Необученные рабочие	13	20
„ работницы	9	11

В материалах комиссии, обследовавшей условия труда в крупных предприятиях, работавших для нужд государственной обороны, приведены еще некоторые данные. На машиностроительном заводе Гартмана в Луганске средняя месячная заработная плата составляла в апреле 1916 года — 52 руб., в мае — 62 руб., в июне — 69 руб.; на паровозостроительном и механическом заводе в Харькове средний дневной заработок составлял: в 1914 году — 1,95 руб., в 1915 году — 2,65 руб., в 1916 году — 2,62 руб.

После февральской революции 1917 года, в связи с продолжающимся ростом цен, рабочие всюду предъявили требования повышения заработной платы. Летом 1917 года был заключен ряд тарифных договоров между организациями рабочих и работодателей.

Рабочий день в крупной промышленности, в общем, был десятичасовой. Во время войны, благодаря сверхурочным работам в предприятиях, работавших на оборону, он был значительно увеличен. С весны 1917 года, после февральской революции, требование 8-ми часового рабочего дня становится всеобщим, и летом этого года работодатели должны были уступить.

Рабочие организации и представительство.

До 1905 года в России были запрещены организации, имевшие целью борьбу за улучшение условий труда рабочих. Поэтому рабочие могли объединяться лишь для целей взаимопомощи, но эти легальные организации были использованы для политического движения. Кроме того, существовали нелегальные организации, которые, в виду постоянных преследований, не могли достигнуть больших размеров. В 80-ых и 90-ых годах прошлого столетия стали образовываться стачечные кассы; всеобщий еврейский рабочий союз Литвы, Польши и России, называемый обычно Бундом (бунд по-еврейски значит союз), развился из таких стачечных касс. Эти нелегальные кассы примыкали, главным образом, к социал-демократической партии. Дабы отвлечь рабочих от политических партий, в начале этого столетия тайная полиция—охранка—через своих агентов стала организовывать рабочие союзы, но эта система, называемая, по имени инициатора ее, директора департамента полиции Зубатова, „зубатовщиной“, не оправдала надежд полиции. Образуемые полицией союзы предъявляли требования о повышении заработной платы и объявляли стачки. По жалобам промышленников Зубатов был сослан в Вологду. Между прочим, рабочая демонстрация в кровавое воскресенье 9-го января 1905 года, во главе которой стоял священник Гапон и которая явилась прологом революции 1905 года, исходила от одной из подобных организаций. Во время революции 1905 года почти во всех производствах и местностях России были образованы профессиональные организации, которые объединялись в профессиональные союзы и образовывали межсоюзные объединения.

Последовавшая после революции 1905 года реакция привела к прекращению профессионального движения. С началом же войны правительство распустило большинство еще уцелевших профессиональных организаций.

Когда во время войны увеличилось число конфликтов, вновь возник вопрос о фабричных старостах. Уже с 1903 года существовал закон о фабричных старостах; этот закон был вызван, как объяснялось, трудностью выяснения при конфликтах пожеланий рабочих, так как, по существовавшим законам, они не могли собираться для обсуждения своих нужд. Согласно закона о фабричных старостах,

заводоуправления могли разрешать рабочим предприятий, по цехам и отделениям, выбирать из своей среды представителей, из которых одного заводоуправление назначало старостой цеха или управления. Старосты были, в сущности, правомочны только для проведения существующих правил о труде, а не для предложений об изменении этих правил. Этот закон не получил распространения; старосты были введены только в 30—40 фабриках, так как предприниматели относились отрицательно к введению их.

Закон о фабричных старостах не получил широкого применения и во время войны.

Военно-промышленные комитеты, о которых ниже будет сказано подробно, привлекали к своей работе и представителей рабочих; более крупные комитеты образовывали в своем составе особые рабочие группы, представительство от которых было и на съездах военно-промышленных комитетов.

На втором съезде военно-промышленных комитетов в 1916 году участвовали представители рабочих групп центрального военно-промышленного комитета и 17-ти областных комитетов. К маю 1916 года в 20 губернских и 98 уездных комитетах, о которых имелись сведения, было 107 представителей от рабочих. Рабочая группа центрального военно-промышленного комитета требовала разрешения собраний на фабриках и заводах с тем, чтобы рабочие представители имели возможность дать рабочим отчет о своей работе, а также произвести необходимые выборы, но власти эти требования отклоняли. Рабочая группа центрального военно-промышленного комитета имела в виду из рабочих представителей в военно-промышленных комитетах создать общую организацию рабочего класса и созвать из них рабочий съезд.

Мысль о созыве всероссийского рабочего съезда встретила живой отклик у рабочих, но власти запретили его.

После падения царского режима, в феврале 1917 года, комиссия по рабочему вопросу при совете рабочих депутатов разработала проект закона о праве коалиций и стачек. Почти по всем производствам образовались профессиональные союзы, число членов которых быстро увеличивалось. Важнейшим профессиональным союзом стал союз металлистов.

На ряду с профессиональными союзами после февральской революции образовались избранные рабочими фабрично-заводские комитеты и советы рабочих депутатов, которые

в течение лета захватили во многих предприятиях контроль и самостоятельно, или совместно с профессиональными союзами, предъявляли экономические требования.

Предприниматели, разумеется, пытались всеми способами бороться против вмешательства и контроля со стороны фабрично-заводских комитетов, рабочих советов и других рабочих организаций; в августе 1917 года на конференции объединений работодателей они образовали всероссийский союз обществ фабрикантов и заводчиков.

В ожесточенной борьбе против предпринимателей, в которой коалиционное временное правительство попыталось быть посредником, рабочие выдвинули лозунг—вся власть советам, что и было осуществлено Октябрьской революцией.

Эвакуация предприятий из районов, угрожаемых неприятельским вторжением.

Уже вскоре после начала войны, перед русским правительством возникла необходимость эвакуировать промышленные предприятия из районов, угрожаемых вторжением немецких войск. К этому присоединялось также намерение нанести чувствительный удар германизму в прибалтийских провинциях путем перевода промышленности внутрь страны, где, как полагали, она скорее будет руссифицирована. Значительная часть русской промышленности была расположена в западных губерниях, а именно: польская промышленность—Домбровский каменноугольный и железо-рудный район, текстильная промышленность в Жирардове и Лодзи, варшавская машиностроительная промышленность, далее в прибалтийских губерниях, особенно, в Риге, металлические, резиновые и текстильные предприятия.

Часть сырья была уже раньше, осенью 1914 года, вывезена из Польши на восток. Ряд городов, особенно, Одесса, старался привлечь к себе польскую текстильную промышленость. Но прежде, чем было приступлено к планомерному переводу польской промышленности, войска при отступлении сожгли до тла ряд крупных фабрик для того, чтобы они не достались немцам. Так, 17 июля 1915 года была сожжена известная жирардовская мануфактура, одно из крупнейших текстильных предприятий Польши, в котором до

войны работало до 9-ти тысяч рабочих. Польские мануфактуристы утверждали, что великорусская текстильная промышленность не без удовольствия взирала на уничтожение польской конкуренции и что, в связи с этим, русскими были произведены чрезмерные разрушения.

Перенос предприятий из одного места в другое сам по себе и в мирное время представляет чрезвычайно трудную задачу, связанную с большими потерями. Целый ряд построек, как например: фабричные здания, колодцы, железнодорожные ветки и т. п., вообще нельзя перенести, и все затраты на них вовсе пропадают. Промышленные предприятия, за малыми исключениями, возникают на тех или других местах не случайно, а благодаря определенным условиям: или вследствие близости сырья, или вследствие обилия и дешевизны рабочих рук, или вследствие удобства транспорта. Все эти преимущества, в случае переноса предприятий не по экономическим соображениям, не имеются обычно на тех новых местах, куда они переносятся. Если та или другая отрасль промышленности уже долгое время находится в определенном месте, среди населения развиваются навыки к этой именно работе; при переносе же предприятия, только часть рабочих следует за предприятием, и оно теряет, таким образом, хорошую рабочую силу. На время самого переноса предприятие закрыто, и производство его прекращается. Съемка и упаковка машин требует особенной тщательности для того, чтобы ничего не было испорчено или потеряно; ведь, вследствие нехватки небольшой какой-либо части вся машина может быть осуждена на бездействие.

Для эвакуации промышленных предприятий из сев.-западной области времени было больше, чем для эвакуации польской промышленности; все же, во время войны, при расстройстве железнодорожного транспорта, при недостатке обученных рабочих это представлялось чрезвычайно трудной задачей, которая лишь в незначительной части могла быть успешно проведена.

По одному сообщению 1915 года, из северо-западной области было эвакуировано несколько сот предприятий, из которых в январе 1916 года только немногие были пущены в ход, да и из этих, некоторые только временно для обработки имеющихся запасов полуфабрикатов. При той спешке, с которой производилась съемка машин, многое было сломано; в Риге фабрики получили приказ погрузить оборудование в течение 14 дней, и съемку машин приходилось

поэтому производить путем сверхурочных и ночных работ. Запасные части к машинам часто, вообще, невозможно было достать, так как они получались из-за границы. Более старые машины, которые могли бы еще на прежнем месте работать, при съемке приходили в негодность.

При огромной спешной потребности в вагонах под эвакуируемые грузы, многие железнодорожные служащие использовали в личных целях сложившиеся обстоятельства и предоставляли вагоны только тем предприятиям, которые давали им крупные взятки. Благодаря длинным расстояниям и общему недостатку вагонов, на русских железных дорогах часто случалось, что вагоны с частями эвакуируемых фабрик разгружались в пути, еще до прибытия на место назначения, так как срочно требовались вагоны под военные перевозки. Если нельзя было установить станцию назначения и принадлежность грузов, их часто разгружали на путях, где машины ржавели под открытым небом. Часть уже подготовленных к эвакуации предприятий осталась вследствие недостатка вагонов в разобранном виде в Риге. Значительная часть вагонов не достигала места своего назначения, так как вагоны засылались на разные станции и прибывали без накладных; много вагонов путешествовало таким образом очень долго в разных направлениях. При открытии некоторых вагонов выяснялось, что приказ об эвакуации часто был понят неправильно. Так, в вагонах с эвакуируемым грузом, вскрытых на одной из станций Владикавказской ж. д., был найден кирпич, который пропутешествовал до 2.000 километров. На станциях этой же дороги, вблизи от Бакинских нефтяных источников, были обнаружены цистерны с галицийской нефтью.

В одном из заседаний центрального военно-промышленного комитета было констатировано, что эвакуация была проведена чрезвычайно беспорядочно, вследствие чего восстановление эвакуированных предприятий значительно затруднено, а отчасти даже невозможно. На путях находятся до 80 тысяч вагонов с грузами эвакуированных предприятий, большая часть этих вагонов находится далеко от станций их назначения, различные части одних и тех машин были выгружены на различных станциях.

В Москве было учреждено центральное бюро по розыску эвакуированных грузов, которое ведало сбором сведений об эвакуированных грузах и давало справки о них. Впоследствии это бюро перешло к центральному военно-промышлен-

ному комитету, который давал также указания эвакуируемым предприятиям об имеющихся свободных строениях, могущих быть приспособленными под фабричные здания.

Эвакуация производилась распоряжением военных властей под наблюдением и руководством эвакуационной комиссии особого совещания по обороне. В январе 1916 года была образована особая подкомиссия для выработки необходимых мероприятий по упорядочению дела эвакуации. Расходы по эвакуации несла казна.

Мобилизация промышленности.

А. Военно-промышленные комитеты.

В России война предъявила к промышленности, сравнительно, значительно большие требования, нежели в других странах, так как русская промышленность, по сравнению с промышленностью Германии, Франции и Англии, была слабо развита. К тому же во время войны Россия была отрезана от своих обычных путей, и доставка японских и американских военных материалов через Владивосток, по Сибирской ж. д., которая к началу войны частью была одноколейной, требовала много времени. Россия, при населении 180.000.000 (в 1914 г.), обладала величайшими людскими запасами и, как было уже выше указано, призвала под знамена огромную армию свыше 15 милл. людей; к тому же самая потребность армии, особенно в снарядах, далеко превзошла все предположения. Кроме того, большие запасы военного имущества вскоре после начала войны попали в руки немцев. Вопросы снабжения снарядами выдвинулись на первое место; в газетах неудачи на западном фронте, поскольку о них сообщалось, постоянно объяснялись недостатком снарядов; вследствие этого со всех сторон делались попытки поставить русскую промышленность на службу войны. Как и в других странах, и в России лозунг „мобилизации промышленности“ играл большую роль.

В 1915 году Гос. Дума избрала ряд депутатов, в качестве представителей при различных министерствах, для обеспечения тесной связи с правительством и для содействия правительственным органам в использовании для нужд войны всех сил страны.

В июне 1915 г., под председательством председателя Госуд. Думы Родзянко, был учрежден центральный комитет по производству снарядов.

Отступление из Галиции и Польши летом 1915 года чрезвычайно возбудило общественное мнение: увеличились обвинения против военного ведомства в том, что оно, при своей бюрократичности, не в состоянии использовать для производства снарядов все силы страны.

Девятый съезд представителей промышленности и торговли, состоявшийся 26 мая 1915 года, постановил заняться исключительно вопросами организации промышленности для дела войны и призвать все промышленные и торговые организации к образованию военно-промышленных комитетов, в целях обеспечения производства оружия и снарядов. 25 июля 1915 года в Петрограде собрался первый съезд этих комитетов, который и определил их структуру. Во главе стоял центральный военно-промышленный комитет в Петрограде, состоявший из представителей от совета съездов промышленности и торговли, всероссийских земского и городского союзов, городских самоуправлений Петрограда и Москвы, министерств и десяти представителей от рабочих; председателем был избран лидер октябристов А. И. Гучков, его заместителем А. И. Коновалов. Центральный военно-промышленный комитет имел ряд отделов и секций, как, например: снарядный, механический, автомобильный и авиационный, транспорта, изобретений, по рабочему вопросу, электротехнический; последний разделялся дальше на секции—слабых токов, сильных токов, электрических предприятий и т. д. Центральному военно-промышленному комитету были подведомственны областные военно-промышленные комитеты, объединявшие одну или несколько губерний; этим последним были подведомственны местные военно-промышленные комитеты отдельных губерний и районов. Насколько можно судить по имеющимся данным, организация военно-промышленных комитетов проводилась несколько схематически, без достаточного внимания к тому, имеются ли в том или ином районе существенные для военной промышленности предприятия.

Из некоторых сообщений местных комитетов явствует, что к ним присоединились только средние и мелкие предприятия, более же крупные только частично.

Крупные предприятия предпочитали получать заказы непосредственно от довольствующих управлений военного ве-

домства и прочих правительственных органов, а не через посредство военно-промышленных комитетов, и поэтому не входили в их состав. Некоторые комитеты образовывались из представителей самых разнообразных организаций. Военно-промышленные комитеты с течением времени все больше стремились привлечь к своей работе представителей от рабочих; в более крупных комитетах последние образовывали рабочие группы.

Задачей военно-промышленных комитетов должно было быть привлечение всей промышленности к обслуживанию нужд войны, в частности, размещение заказов военного ведомства между отдельными предприятиями, наблюдение за тем, чтобы заказы попадали в руки достаточно солидных фирм, наблюдение за исполнением заказов,—словом, содействие правительственным органам при производстве военных материалов.

Не все власти относились, повидимому, доброжелательно к военно - промышленным комитетам; неоднократно встречаются указания на то, что довольствующие управления военного ведомства и прочие учреждения, ведавшие выдачей заказов, относились отрицательно к посредничеству военно-промышленных комитетов. Уже на первом съезде военно-промышленных комитетов указывалось, что бюрократия не выпустит так легко из своих рук той власти и материальных преимуществ, которые ей дает возможность распределения миллиардных заказов. На втором съезде, 26 февраля 1916 года, было принято постановление о необходимости предложить правительству прекратить систематическую борьбу против участия общественных сил в планомерной организации страны для дела победы.

В правой прессе деятельность центрального военно-промышленного комитета освещалась как не имеющая реального значения; в выпущенном комитетом опровержении указывалось, что в течение первых 7 месяцев его деятельности им было размещено заказов на 250 миллионов рублей.

Однако, нужно отметить, что предусмотренные в контрактах сроки изготовления заказов, большею частью, не соблюдались; в феврале 1916 года из выданных на 250 милл. руб. заказов исполнено было лишь на 2,3 милл. рубля. В качестве причин задержки указывалось на то, что вследствие транспортной разрухи фабрики не получают своевременно топлива и сырья, что технические условия уже вы-

данных заказов часто впоследствии меняются, что вокруг военно-промышленных комитетов, большей частью, объединены лишь средние и мелкие предприятия и что часто военно-промышленные комитеты не проявляют достаточно энергии. Центральный военно-промышленный комитет указывал местным на необходимость ликвидировать безнадежные заказы.

Центральный военно-промышленный комитет получил кредит на 6 миллионов рублей на закупку за границей для русской промышленности, работавшей на оборону, станков и 3 миллиона рублей на закупку инструментальной стали; эти закупки и были им произведены через его представительство в Америке.

Согласно русско-английского соглашения, в Лондоне был учрежден русско-английский комитет, ведавший заказами и закупками в Англии. В этом комитете не было представителя промышленников и, по отзывам промышленников, он работал бюрократически медленно. Настояния центрального военно-промышленного комитета о допущении его представителя в Лондонский комитет были правительством отклонены.

Сообщения некоторых местных комитетов указывают на то, что конкуренция между комитетами и прочими организациями, ведавшими поставками на армию, как-то: земскими и городскими, вела к излишнему повышению цен; другие же комитеты сообщали о том, что они работают вполне согласованно с организациями земского и городского союзов.

Некоторые комитеты учреждали собственные предприятия, содействовали пуску бездействовавших, арендовали заводские и железнодорожные мастерские, устраивали курсы для подготовки квалифицированных рабочих и т. п.

Б. Всероссийские Земский и Городской Союзы.

Во время русско-японской войны 1904—1905 г.г. 14 губернских земств, по инициативе московского земства, образовали союз помощи больным и раненым воинам, так как Красный Крест, прямой обязанностью которого это было, не пользовался общественным доверием. Это земское объединение сохранилось и после русско-японской войны и оказывало помощь инвалидам войны.

В июле 1914 года, с началом войны, по инициативе того же московского земства был образован Всероссийский Земский Союз помощи больным и раненым воинам, который объединял все земства (за исключением черносотенного курского губернского земства, — М. З.); сохранившаяся с 1904 года указанная выше организация земств также влилась в Земский Союз. Общее руководство деятельностью Земского Союза было возложено на общее собрание представителей губернских земств, по два от каждого земства,— одного от земского собрания и другого от земской управы. Состоявшееся в Москве первое общее собрание избрало председателем князя Г. Е. Львова и Главный Комитет из 10 членов.

Уже в августе 1914 года положение о Земском Союзе было утверждено царем; таким образом, под давлением войны, земствам удалось добиться возможности объединения, которого они уже давно безуспешно добивались. Земский Союз, задачи которого первоначально были аналогичны задачам Красного Креста, формально был подчинен последнему, но новые требования, выдвинутые войной, вскоре повели к значительному расширению круга задач Союза. При Главном Комитете Союза, который находился в Москве, был образован целый ряд комиссий: лечебная, по эвакуации и т. п. Далее, в целях наибольшей связи с войсками, были учреждены фронтовые комитеты Союза; кроме того, при губернских и уездных земствах были образованы местные комитеты помощи больным и раненым.

Союз устраивал госпитали и санитарные поезда, склады перевязочных материалов, медицинских инструментов, лекарств, белья и т. п. Впоследствии он стал устраивать собственные предприятия для производства необходимых предметов; он завел собственные кожевенные и лесопильные заводы, обувные и консервные фабрики, ремонтные автомобильные мастерские, мастерские для производства коек, носилок, инструментов, полевых кухонь, противогазов и т. п. Он устраивал санатории, кумысные станции для туберкулезных и т. д. Союз взял на себя также оказание лечебной помощи жителям прифронтовой полосы и борьбу с эпидемиями. В Нью-Иорке он имел специальную комиссию для закупки обуви, которая до января 1916 года закупила 3 миллиона пар сапог и 1,7 миллиона пар ботинок. Союз скупал и собирал в войсках и в прифронтовой полосе кожи скота и перерабатывал их, частью на собственных кожевенных заводах.

Весною 1916 года при Земском Союзе был образован экономический отдел, который занимался, главным образом, вопросами борьбы с уменьшением посевной площади и сокращением животноводства, а также вопросами продовольственного снабжения армии.

Примеру московского земства последовала московская городская дума, которая в августе 1914 года созвала совещание представителей городов, на котором и был образован Всероссийский Союз Городов помощи больным и раненым воинам, который также был утвержден правительством.

Главный Комитет Городского Союза, председателем которого был избран московский городской голова—Челноков, образовал в своем составе соответствующие секции и отделы, как-то: лечебный, эвакуационный, хирургический, закупочный, санитарных поездов, военнопленных и т. п.; в городах были образованы местные городские комитеты. Городской Союз, подобно Земскому, организовывал госпиталя, санитарные поезда, склады и т. п. и также часть необходимых материалов производил в собственных предприятиях; он имел собственную фабрику по производству ваты, бензола, трикотажную и игольную фабрики и т. п.

Второй съезд Союза Городов, состоявшийся в Москве в феврале 1915 года, постановил образовать комиссию по борьбе с дороговизной.

Эта комиссия была затем преобразована в экономический отдел Городского Союза. Деятельность Союза по борьбе с продовольственным кризисом будет рассмотрена ниже в главе „Продовольствие".

Оба Союза, Земский и Городской, образовали совместно две организации: одну—помощи беженцам, называвшуюся сокращенно „Собеж", и другую—по снабжению армии—„Земгор". „Земгор" и устраивал заводы по производству снарядов, ручных гранат, серной кислоты, телефонов и телефонных частей, телеграфного кабеля и прочих предметов военного снабжения, а также занимался размещением военных заказов, главным образом, среди мелкой промышленности, кустарей и ремесленников. Служащие обоих Союзов освобождались от военной службы.

Союзы занимались также помощью инвалидам; ими было устроено несколько протезных мастерских; они собирали также беспризорных детей в прифронтовой полосе и помещали их в приюты внутри страны.

Деятельность Союзов, по мере ее расширения за первоначальные рамки помощи больным и раненым, встречалась правительством недоброжелательно, и им делались попытки ограничить эту деятельность Союзов. Союзы беспрестанно жаловались на препятствия, чинимые им, на задержки в выдаче необходимых средств, на непредоставление вагонов и проч.

В первое время войны оппозиционное настроение буржуазных общественных кругов против правительства отошло на задний план, но затем, под влиянием военных неудач, оно возродилось.

Хотя Союзы первоначально и хотели быть политически нейтральными, но все же, чем дальше, тем больше они становились в оппозицию к правительству. Перерыв занятий в Государственной Думе вызывал сильное возбуждение в либеральных кругах. На съездах обоих Союзов, происходивших одновременно в сентябре 1915 года, были приняты одинаковые резолюции, в которых требовалось образование министерства, пользующегося общественным доверием, и скорейший созыв Государственной Думы. Резолюции эти должны были быть переданы лично царю особой депутацией, но она не была им принята. Правительство опасалось политических выступлений Союзов и для борьбы с ними использовало обвинение в том, что в течение двух лет Союзы получили от государства свыше полумиллиарда рублей без представления отчета в израсходовании их, что в Союзе имеют место денежные злоупотребления, что в них находят приют радикальные элементы и что предоставленное им право возбуждать ходатайства об освобождении от службы в войсках используется ими не всегда правильно. Председатели обоих Союзов отвергали эти обвинения, как неосновательные, и указывали, что денежный отчет за первый год был представлен, а за второй год—подготовляется, и что деятельность Союзов, сверх того, протекает под наблюдением чиновников государственного контроля; что же касается обвинений в революционной пропаганде и в незаконном освобождении от службы в войсках, то, если бы это действительно имело место, власти давно бы уже привлекли виновных к ответственности, да, кроме того, освобождение от военной службы производится не Союзами, а органами военного министерства.

Намеченный на декабрь 1915 года съезд Союзов и военно-промышленных комитетов был запрещен; в целом ряде

городов запрещались собрания местных комитетов Союзов; в Москве было запрещено совещание бухгалтеров фронтовых комитетов по вопросу об отчетности Союзов. На всех, даже внутренних, собраниях Союза должен был присутствовать представитель полиции. Все жалобы Союзов привели лишь к тому, что министр внутренних дел указал губернаторам на необходимость посылать на эти собрания более подготовленных полицейских чиновников.

В. Кустарная промышленность.

Кустарная промышленность была также мобилизована для нужд войны.

В России кустарная промышленность очень распространена, особенно в области обработки дерева, плетения, прядения, скорняжной и выделки мелких металлических изделий. Развитию кустарных промыслов способствует долгая зима в большей части России и недостаток земли, которая при отсталых формах земледелия не может прокормить населения. Заказы для нужд обороны распределялись между кустарями при посредстве военно-промышленных комитетов, Земского и Городского Союзов и кустарно-промысловой кооперации. В частности, были распределены заказы на гвозди, шанцевый инструмент, подковы.

Г. Образование новых обществ. Увеличение капиталов и прибыли акционерных обществ.

В первое время войны образование новых обществ, разумеется, уменьшилось, да и министерство финансов старалось уменьшить частную эмиссию с тем, чтобы освободить денежный рынок для размещения государственных военных займов. Мобилизация промышленности, расширение существующих и постройка новых предприятий военной и горной промышленности, вздорожание сырья и топлива и т. п. обусловили, особенно, с 1916 г., возрастающую потребность в капиталах, которая и покрывалась отчасти выпуском новых акций. Большое число предприятий, находившихся в единоличной собственности, было реорганизовано в акционерные общества, отчасти, для увеличения капиталов, отчасти,

для уменьшения риска. Когда на очередь стал вопрос о налоге на военную прибыль, многие акционерные общества увеличили свой капитал, так как 8% (впоследствии 6%) прибыли не подлежали обложению этим налогом.

Сведения о числе вновь учрежденных акционерных обществ дает следующая таблица:

	1913	1914	1915	1916
Число обществ	399	334	321	574
Капитал (в милл. руб.)	526	422	409	923

Из вновь учрежденных в 1916 г. обществ приходилось: на горную промышленность — 91 общество с капиталом в 227 милл. руб., на металлическую — 80 с 141 милл. руб., на химическую 19 с 36 милл. руб.

По сведениям, приводившимся в печати, с начала 1915 г. до сентября 1916 г. 84 уже существовавших акционерных общества увеличили свой капитал на 191 милл. руб., из них на 9 месяцев 1916 г. приходится 132 милл. по 61 обществу. В 1915 г. увеличили свой капитал, главным образом, нефтяная и горная промышленность, в 1916 г. — металлическая.

При Временном Правительстве учреждение новых акционерных обществ было облегчено; для увеличения и уменьшения акционерного капитала было достаточно разрешение министра торговли и промышленности, в то время, как прежде требовалось разрешение Совета Министров. Наименьший размер капитала был установлен в 20.000 руб., вместо прежних 200.000 руб.; стоимость акций в 25 руб., вместо прежних 50 р. Некоторые акционерные общества добивались разрешения на выпуск десятирублевых акций, которые предназначались для распределения между рабочими, чтобы таким образом заинтересовать их в делах предприятия.

В первое полугодие 1917 г. было учреждено 206 акционерных обществ с капиталом в 467 милл. руб., из которых:

За январь—февраль	64 с капит.	88 милл. руб.
„ март—апрель	37 „ „	123 „ „
„ май—июнь	105 „ „	256 „ „

Из этих 206 обществ—121 с капиталом в 290 милл. руб. были акционированные единоличные предприятия, существовавшие уже до того,—85 с капиталом в 177 милл. руб. являлись новыми обществами.

Благодаря нужде промышленности в капиталах и выпуску новых акций, влияние банков на промышленность значительно возросло, и увеличилась также спекуляция.

Когда на очередь стал вопрос о военных прибылях, в органе промышленников приводилось сопоставление дивидендов акционерных обществ за 1913 и 1914 г.г. Это сопоставление имеет значительные недостатки: во-первых, сравниваются дивиденды, а не чистая прибыль, между тем как во время войны значительная часть прибылей не распределялась, а списывалась в запасные и проч. капиталы; далее, за 1913 г. берется 1.840 обществ с капиталом 4,1 милл. руб., а за 1914 г. только 1.356 обществ с капиталом в 3,6 миллиарда рублей, вместо того, чтобы за оба года брать одни и те же общества. Далее, дивиденды за 1914 г., поскольку не указано, когда кончается операционный год обществ, который, обычно, не совпадает с календарным годом, не могут служить для характеристики военных прибылей, и для этого должен быть взят позднейший период. Наконец, приведен только средний дивиденд обществ отдельных промышленных групп, а не дано распределение дивидендов по их высоте, так что менее прибыльные общества снижают средний уровень. По всем указанным причинам это сопоставление и дает уменьшение дивидендов по всем обществам, в среднем, с 7,61% в 1913 г. до 6,09% в 1914 г.; увеличение дивидендов показывает только группа: „обработка животных продуктов и пищевая промышленность“, а также некоторые подгруппы текстильной, металлической и химической промышленности, транспорта и торговли.

Один немецкий исследователь вычислил, по данным годовых отчетов, прибыли крупнейших акционерных обществ, путем сопоставления общих доходов и расходов, при этом списывания в резервный фонд, на оплату налогов и т. п., поскольку они указаны, не исключены. По его данным, из 19-ти крупнейших металлургических обществ с акционерным капиталом в $^1/_4$ миллиарда рублей, что составляет почти $^5/_{12}$ всех капиталов, вложенных в русскую металлургическую промышленность,—только одно общество показывает уменьшение дивидендов за 1915 г. против 1913 г., который также был благоприятным для промышленности годом, а именно, Общество Русско-Балтийского вагоностроительного завода в Риге, уменьшение дивидендов которого вызывалось исключительными обстоятельствами—эвакуацией завода из Риги. Между тем, три общества показывают увеличение прибыли

от 4 до 5 раз, у некоторых прибыль превысила даже весь акционерный капитал. Значительное увеличение прибылей наблюдается и в текстильной и сахарной промышленности. Чрезвычайный рост показывают также дивиденды в нефтяной промышленности, которые доходили до 60%. При Временном Правительстве министерством торговли и промышленности разрабатывался проект закона об участии рабочих в прибылях, согласно которого определенная часть полученной прибыли должна была поступать для распределения между рабочими и служащими.

Положение отдельных отраслей промышленности.

Каменноугольная промышленность России в последние годы перед войной пережила чрезвычайный расцвет. В течение 20-ти лет добыча каменного угля поднялась с 6,9 миллиона, в 1892 г., до 31 милл. тонн в 1912 г., из которых почти $^2/_3$ приходилось на Донецкий бассейн и $20^0/_0$ на Домбровский бассейн, в юго-западной части Польши. Сверх того, Россия ввозила 6—7 милл. тонн угля из Англии, Германии и Австрии, особенно, в балтийские гавани, так как доставка германского и английского угля обходилась дешевле, чем Донецкого.

Обсуждавшийся уже в течение долгого времени проект создания, путем развития водных путей, прямой связи между Черным и Балтийским морями и предоставления таким образом более удобного и дешевого выхода для хлеба и продуктов южно-русской горной промышленности на север России, нежели кружный путь через Дарданеллы и Гибралтар, не был приведен в исполнение, несмотря на всю заинтересованность в этом торговли и промышленности, а также военного министерства.

Несмотря на сильный рост добычи каменного угля и ввоз его из-за границы, Россия в конце 1913 г. переживала угольный голод, вследствие чего был разрешен беспошлинный ввоз каменного угля для государственных и частных железных дорог.

Крупнейшие каменноугольные предприятия были объединены в синдикат „Продуголь“.

Прекращение, с началом войны, работ в Домбровском бассейне и занятие его в дальнейшем немцами лишило Россию соответствующей доли добычи каменного угля; правда, отпала и потребность в угле польской промышленности. Вследствие закрытия Балтийского моря, ввоз угля почти совсем прекратился; он составлял:

в 1913 г.	468.000.000 пуд.
„ 1914 „	293.000.000 „
„ 1915 „	34.000.000 „
в 1-ое полугод. 1916 г.	0,25 милл. пуд.

По опубликованным в печати данным, движение добычи каменного угля представляется в следующем виде (в миллионах пудов):

	В Донецк. бассейне.	На Урале.
1913 г.	1.543,8	60,1
1914 „	1.683,8	73,4
1915 „	1.626,6	61,0
1916 „	1.752,2	79,3
1917 „ первый кварт.	447,4	—
1917 „ второй „	375,5	—

Во втором полугодии 1914 г. добыча угля в Донецком бассейне упала до 787,1 милл. пуд., против 896,7 в первом полугодии этого года; в первом полугодии 1915 г. она поднялась до 790,4, во втором полугодии 1915 г. до 836,2 миллионов пудов. Уменьшение добычи в первое время войны вызывалось уменьшением числа рабочих, вследствие призыва их в войска и ухода на сельско-хозяйственные работы в деревню, что в мирное время было весьма распространено в Донецком бассейне.

Для обеспечения копей рабочей силой впоследствии производилось освобождение рабочих от службы в войсках; рабочим, едущим в Донецкий бассейн, предоставлялся бесплатный проезд по железным дорогам, на работу в копях посылались военнопленные. Благодаря принятым мерам, число рабочих в Донецком бассейне, после первоначального уменьшения, вновь дает увеличение; оно составляло в среднем:

в 1913/14 г.	185.500
„ 1914/15 „	173.800
„ 1915/16 „	201.500
„ 1916/17 „ до февральской революции	262.100
„ 1917 г. (март и июнь)	282.600

а затем вновь упало.

Уход рабочих из Донецкого бассейна, исключая сезонный уход на полевые работы в деревню, объясняется отчасти, как констатировал также министр торговли и промышленности после посещения Донецкого бассейна, скверными жилищными условиями и низкой заработной платой, не стоявшей ни в каком соответствии с возросшей дороговизной жизни, а также с ростом цен на уголь и прибылями углепромышленников.

Наблюдается постоянное падение добычи, приходящейся на одного рабочего; она составляла (в месяц на одного рабочего):

в 1914/15 г.	756	пуд.
„ 1915/16 „	700	„
„ 1916/17 „ до февральской революции	574	„
„ 1917 г. „ (июль—октябрь)	415	„

Причины этого падения производительности следующие: изношенность машин и орудий; недостаток динамита для взрывных работ и смазочных масел; недостаток вагонов для вывоза образующихся запасов угля на копях; недостаток крепежного леса, так как в 1916 г. лесные районы, поставлявшие его, были заняты неприятелем, и, наконец, одной из важнейших причин упадка производительности было качественное ухудшение рабочей силы. Вместо шахтеров мирного времени, к работе были привлечены уклонявшиеся от воинской повинности, военнопленные, женщины и подростки, китайцы и персы. На 1 января 1917 г. в копях работало 126,500 освобожденных от призыва в войска, 75.500 военнопленных, 12,200 женщин, 19.300 подростков, 2.400 беженцев и 1.500 китайцев и персов.

Потребление угля значительно возросло, вследствие роста потребностей железных дорог и промышленности, работавшей на оборону. Вследствие прекращения ввоза из Домбровского района, районы, питавшиеся прежде заграничным и Домбровским углем, должны были обеспечиваться из далекого Донецкого бассейна, что значительно загружало и без того уже загруженные вследствие войны железные дороги. При общем расстройстве транспорта, железные дороги не могли удовлетворить требований копей на подачу вагонов, и запасы угля в копях, составлявшие в июне 1915 г. 43,5 милл. п., в январе 1916 г. возросли уже до 171 милл. пуд. Наряду с большими запасами угля в копях, в стране ощущался острый угольный голод. В первую очередь он коснулся бал-

тийских гаваней и Петербурга, которые прежде жили на привозном английском угле. Это вызвало необходимость уже вскоре после начала войны сократить уличное освещение и трамвайное движение.

Предприятия отдаленных от Донецкого бассейна районов, Петербургского и Московского, вследствие недостатка угля и перебоев в его получении, не могли полностью и в срок выполнять военные заказы.

Уже в начале 1915 года на железных дорогах паровозные топки стали переделываться на нефтяное топливо. На ряду с нефтью, заменой угля явились дрова и торф; самое качество угля значительно ухудшилось.

Основная причина угольного голода заключалась, особенно в первое время, не в недостаточной добыче угля, а в транспортных затруднениях: в недостатке вагонов и в общем расстройстве транспорта.

Согласно указа от 4-го марта 1915 года, распоряжение запасами угля и дело обеспечения топливом армии и флота, транспорта и промышленности, работавшей на оборону, было возложено на министра путей сообщения. Образованный при министерстве путей сообщения „Распорядительный комитет по снабжению топливом“ распределил потребителей топлива по категориям, в зависимости от их важности для дела обороны. Осенью 1915 года вопросы угольного хозяйства перешли к учрежденному законом от 17-го августа 1915 года „Особому совещанию для обсуждения и объединения мероприятий по обеспечению топливом путей сообщения, государственных и общественных учреждений и предприятий, работающих для целей государственной обороны“. В конце 1916 года Особым Совещанием был разработан проект учреждения „Центрального комитета для торговли твердым минеральным топливом Донецкого бассейна“; этому комитету должны были быть подведомственны угольные копи, и под наблюдением уполномоченных этого комитета должно было производиться распределение угля по заранее выработанному плану, по твердым ценам.

Угольный кризис и сильный рост цен на уголь вызывали обвинения горнопромышленников в том, что они искусственно уменьшают предложение угля на рынке; был выдвинут проект введения угольной монополии, и для обсуждения этого вопроса была создана специальная комиссия, которая признала введение угольной монополии нецелесообразным. После февральской революции, несмотря на противодействие про-

мышленников, угольная монополия была введена, начиная с 1 августа 1917 года. Центральное управление угольной монополии должно было быть учреждено в Харькове и должно было ведать распределением, по месячным планам, всей добычи угля. Проведение монополии встречало, особенно в условиях того времени, значительные затруднения организационного характера; кроме того, банки которые сначала выразили согласие открыть кредит в 100 милл. р., впоследствии воздерживались от финансирования монополии.

Данные о распределении угля показывают сильное уменьшение количества угля, получавшегося непривилегированными потребителями.

Донецкий уголь получили (в милл. пуд.):

	1913 г.	1915 г.	1-е полуг. 1916 г.	1-е полуг. 1917 г.
a) привилегир. потребители:				
жел. дороги	320,2	478,9	300,4	296,2
заводы по переработке угля	42,0	107,2	64,9	—
судоходство	45,7	56,8	28,4	22,9
Итого	407,9	642,9	393,7	—
b) прочие потребители . .	789,3	533,6	—	—
в том числе металлургические предприятия .	266,9	259,0	152,6	132,6
сахарные заводы	62,4	38,9	22,0	10,3
соляные копи и заводы .	6,6	3,4	—	—
газовые заводы	5,2	6,9	—	—
частные потребители . .	311,5	124,3	—	—

С января 1916 года металлургические предприятия были причислены к привилегированным потребителям.

В соответствии с угольным голодом росли и цены на уголь; они составляли (в копейках за пуд):

	Август 1914 г.	Август 1916 г.
Котельный уголь	7—9	17—19
Газовый	7—9	16—18
Кокс	15—16	32—35
Антрацит	10—12	24—24

Железоделательная промышленность. Некогда главным поставщиком железа был Урал, но затем на первое место выдвинулся южно-русский район, на долю ко-

торого перед войной приходилось $^2/_3$ всей добычи железа. Железоделательная промышленность на Урале очень стара и восходит ко временам Петра Великого. Заводы здесь устраивались крупными землевладельцами, которые использовали дешевый труд своих посессионных крестьян. Вследствие недостатка каменного угля, уральская промышленность пользовалась древесным углем; это вызывало необходимость строить доменные печи на значительном расстоянии одна от другой, с тем, чтобы подвоз древесного топлива и угля, который производился обычно на лошадях, мог производиться не со слишком далеких растояний. Эти обстоятельства, а также слабое развитие транспорта, являлись причиной технической отсталости уральской железоделательной промышленности. Кроме того, уральская промышленность была бедна капиталами, и только в последнее время перед войной банки заинтересовались ею, и несколько предприятий были преобразованы в акционерные общества.

Южно-русский рудный бассейн, в частности Криворожский район с его высокосортными рудами, находится в соседстве с каменноугольным Донецким бассейном; здесь выплавка чугуна производится в крупных по-современному оборудованных домнах. В южно-русской промышленности большое участие принимал бельгийский и французский капитал.

На польский район приходилось едва 8—9% всей добычи железа. Железная руда добывается еще в незначительных количествах в центральной и северной России, на Кавказе и Сибири.

Железная руда частью вывозилась; в 1911 г. вывоз составлял 54 милл. пудов, в 1913—28,7 милл. пудов, из которых $^4/_5$ было вывезено в Германию. На ряду с этим, Россия ввозила железо и сталь; ввоз составлял: в 1913 г. литья—1,9, железа—2,7, стали—2,0 милл. пудов; в 1914 г. был разрешен ввоз 20 милл. пудов чугуна по уменьшенной пошлине.

Добыча железа за последние два десятилетия перед войной быстро увеличилась: в 1892 г. было добыто железной руды—2 милл. тонн, в 1912 г.—8,2 милл. тонн.

Крупнейшие металлургические предприятия были объединены в синдикат „Продамета".

Во время войны, несмотря на огромную потребность в металле, выплавка чугуна непрерывно уменьшалась, за исключением некоторого улучшения в 1916 году.

Выплавлено чугуна (в милл. пудов):

	Во всей России	в Южно-Русском районе.	На Урале.
1913 г. . .	282,9 (из них 25,6 в Польше)	189,7	55,7
1914 „ . .	264,2 (из них 15,0 „ „)	186,2	52,4
1915 „ . .	225,2	167,5	50,3
1916 „ . .	231,8	176,1	46,0
1917 „ . .	184,1	69,9 только за 1-ую половину 1917 г.; предварительные данные.	45,9

Уменьшение выплавки было, между прочим, обусловлено резким сокращением числа рабочих; так, в Южно-Русском районе оно уменьшилось следующим образом.

	Состояло рабочих.	
	На 1 июня 1914 г.	На 1 августа 1914 г.
В рудниках	20.346	10.126
В металлургических предприятиях	95.329	79.276
Итого	115.675	89.396

Таким образом, число рабочих уменьшилось больше, чем на 26.000 чел. Благодаря использованию военнопленных, беженцев, стариков, женщин и подростков, персов, китайцев и корейцев удалось довести число рабочих в 1915 г.— до 97.400, а на 1-е октября 1916 года—свыше 140.000.

В рудниках Южно-Русского района в середине 1916 года военнопленные составляли 55,4% всех рабочих; на металлургических предприятиях военнопленные составляли 25,1%, женщины и подростки 19,2%, беженцы 3,7% всех рабочих.

Здесь, как и в каменноугольной промышленности, производительность труда рабочих значительно уменьшилась. Работа новых рабочих была не только количественно, но и качественно, ниже довоенной; так, например, прежде для выплавки одного пуда чугуна требовалось 1,1—1,2 пуда кокса, а в 1916 г.—1,4—1,5 пуда.

На падение производства влияло также расстройство транспорта, вследствие чего заводы не всегда могли своевременно получать уголь, несмотря на близость его; недоставало и необходимых материалов. Продукция на одного

рабочего показывает резкое падение; она составляла, в среднем, в месяц:

1913/14 г.	181 пуд.
1915/16 „	143 „
1912 (март—июнь)	98 „

На Урале выплавка чугуна тоже уменьшилась. Так как там руда и дрова доставляются к доменным печам большей частью на лошадях, предприятия имели обычно годовой запас руды и двухлетний запас дров. С началом войны заготовка дров, вследствие недостатка лесорубов, резко упала; подвоз дров, древесного угля и руды, а также готового металла к станциям железных дорог сильно затруднялся, вследствие недостатка лошадей и возчиков. Сибирский уголь не мог доставляться в виду расстройства транспорта. Состав рабочих на Урале также ухудшился; число военнопленных, составлявшее в 1915 году 24 тысячи, в 1916 году возросло до 51 тысячи. Число китайцев и корейцев увеличилось больше, чем на 10.000.

Продукция промышленности, упавшая в 1915 году, поднялась в 1916 году и вновь дает падение в 1917 году; она характеризуется следующими данными:

Производство полуфабрикатов и готовых изделий (в милл. пудов).

Полуфабрикаты.

	Во всей России.	в Южно-Русском районе.	На Урале.
1913	300	166	55
1914	294	171	57
1915	251	151	57
1916	261	162	58
1917	261	61 (предварительные данные за 1-е полугодие).	58

Готовые изделия.

	Во всей России.	В Южно-Русском районе.	На Урале.
1913	246	141	41
1914	240	144	41
1915	199	126	40
1916	205	130	41
1917	205	52 (предварительные данные за 1-е полугодие).	—

Мобилизация промышленности имела, главным образом, задачей способствовать производству военного снаряжения. Даже ремонтные мастерские предприятий, не относящихся к металлической промышленности, напр., сахарных заводов, привлекались к этому; предприятия часто охотно шли навстречу этому, так как это облегчало им получение топлива, сырья, а также предоставляло возможность освобождать от призыва в войска рабочих и служащих. Правда, новое производство, при отсутствии соответствующего оборудования и подготовленных рабочих, часто вело лишь к порче материалов. Весь металл шел, большей частью, на нужды промышленности, работавшей на оборону, и на долю прочих отраслей промышленности его оставалось очень мало.

По данным отчета синдиката „Продамета", в 1915 году отправка продукции предприятий, входивших в состав синдиката, дает следующее уменьшение:

1-е полугодие	1914 г.	59,16	милл. пуд.
2-е „	1914 „	44,82	„ „
1-е „	1915 „	43, 4	„ „
2-е „	1915 „	38,65	„ „

Запасы на заводских складах в 1915 г. значительно увеличились, так как железные дороги не подавали вагонов в требуемом количестве. В декабре 1915 года был назначен „уполномоченный по делам металлургической промышленности" и комитет при нем, состоявший из представителей власти, военно-промышленных комитетов и Земского и Городского Союзов.

На ряду с углем и железом особое значение во время войны имеет медь, необходимая, между прочим, для производства снарядов. В Германии, в качестве замены меди, употреблялся алюминий. После повышения пошлин на медь в 1906 г., производство ее в России сильно возросло и составляло в 1907 г. 13.300 тонн, а в 1912—33.600. Потребление меди также быстро росло и составляло в 1910 г.— 28.500 тонн, а в 1913 г.—47.200. Во время войны, несмотря на все принятые меры, добыча меди сократилась и составляла (в тоннах):

	Урал.	Кавказ.	Сибирь.	Московск. медноплав. заводы.	Всего.
1914 г.	16.791	8.114	5.616	1.415	31.936
1915 „	17.099	3.826	4.249	824	25.998
1916 „	15.445	4.393	962	574	21.374

Рост потребления меди в связи с войной, на ряду с уменьшением внутреннего производства, обусловил сильный рост ввоза, который составлял: в 1914 году—13.000 тонн, в 1915 году—42.500, из которых 31.500 тонн было ввезено из Америки через Владивосток, и в первое полугодие 1916 года—22.500 тонн. Цены на медь значительно возросли, в частности, в виду дороговизны доставки ее через Владивосток. Несмотря на усиленный ввоз, в 1915—16 г.г. ощущался острый недостаток меди, и во многих местах проводился сбор меди и медных изделий среди населения, правда, с незначительным успехом. Почти вся добыча меди, свыше 90% ее, контролировалась синдикатом „Медь", который объединял крупнейшие предприятия.

Нефть. Во время войны, при угольном кризисе, нефть, особенно благодаря возможности завоза ее водой по Волге, приобрела особое значение; добыча ее непрерывно возростала, она составляла:

в 1913 году	522	милл. пуд.
„ 1914 „	557	„ „
„ 1915 „	571	„ „
„ 1916 „	608	„ „
январь—февраль 1917 года	92	„ „

Распределение нефти было возложено на особого уполномоченного, перевозки ее по железным дорогам регулировались нефтяным комитетом. Цены на нефть сильно возросли и составляли (в копейках за пуд):

	Декабрь 1914 г.	Декабрь 1915 г.
легкая нефть	31,074	54,625
тяжелая „	29,499	56,307
мазут	30,782	56,955

В начале 1916 года были установлены твердые цены, но фактически они не соблюдались, и в Баку платили на 23 коп. на пуд выше их, а в феврале 1917 года даже на 31 коп.; впоследствии эти твердые цены были повышены.

Буровые работы, за отсутствием материалов, металла и машин, а также дороговизны их, сильно сократились.

Химическая промышленность, которая в мирное время была сильно связана с немецкой химической промышленностью, уже вскоре после начала войны стала испытывать значительные затруднения. Цены на красящие вещества, которые, главным образом, получались из Германии, ввиду большого недостатка, уже в 1915 году поднялись

в 2—3 раза. Были сделаны многочисленные попытки развить свою химическую промышленность, но они имели только незначительный успех.

Хлопчато-бумажная промышленность была перед войной наиболее развитой промышленностью России; так, например, Кренгольмская мануфактура в Нарве была одной из самых больших в мире. Хлопчато-бумажная промышленность группировалась, главным образом, в четырех районах: 1) в Польше, в Лодзинском районе, 2) в Петербургском районе, 3) в Московском районе и 4) в Иваново-Вознесенском районе.

$^2/_3$ своей потребности в хлопке Россия покрывала туркестанским хлопком, в частности, ферганским, а также ввозом из Персии и Афганистана. Во время войны отпал Лодзинский район, вследствие оккупации Польши, и потребность в хлопке, таким образом, сократилась. Вспомогательные химические продукты для текстильной промышленности ввозились, главным образом, из Германии, машины же для текстильной промышленности—из Англии, отчасти также и из Германии. Значительное распространение имела кустарная обработка хлопка. Не считая сравнительно незначительного вывоза на восток, русская текстильная промышленность работала исключительно на внутренний рынок, и сбыт ее зависел поэтому от урожая. С началом войны она сократила производство с тем, чтобы возможно дольше растянуть имеющиеся запасы хлопка, красящих веществ и топлива, да и заказы в первые недели войны сократились. Работы производились только 4—5 дней в неделю при укороченном рабочем дне.

Сборы хлопка в первые годы войны были хорошие. Сбор чистого волокна в Средней Азии и Закавказьи в 1915 году дал 15,58 милл. пуд. против 14,24 в 1913 году; на 1-е сентября 1914 года запасы хлопка составляли до 6 милл. пуд., часть запасов лодзинских фабрик была перевезена в Москву. По данным английской прессы, собственное производство и ввоз хлопка в России за годы войны представляется в следующем виде (в относительных числах):

	Производство.	Ввоз.
1913/14 год	1.026	977
1914/15 „	1.247	527
1915/16 „	1.465	605

В 1916/17 году сбор хлопка в Туркестане сильно упал. Хлопководство там зависит от цен на хлеб, так как хлопководческие районы питаются ввозным хлебом. Последствием расстройства транспорта и вызванного этим продовольственного кризиса было невероятное вздорожание продовольствия; так, цена на муку, равнявшаяся осенью 1916 года—2 руб., к началу 1917 года поднялась до 8—9 руб., а в июне 1917 года—до 36—40 руб. Вследствие этого посевы хлопка сократились и увеличились посевы зерновых культур, да и установленные твердые цены на хлопок способствовали тому, что население воздерживалось от продажи его.

Крупные заказы военного ведомства, Красного Креста и Городского и Земского Союзов обеспечили полную нагрузку предприятий, особенно выделывавших более грубый товар; к тому же, с потерей Лодзинского района, сократилось самое число их. Текстильные фабрики работали по воскресным и праздничным дням, на них широко практиковались также сверхурочные и ночные работы.

В первый год войны особого недостатка в хлопчатобумажных изделиях не ощущалось; цены также оставались сравнительно умеренными и возросли не более, чем на 100%. Сильно возросли цены, как уж было указано, на красящие и химические вспомогательные вещества, которые и стали объектом самой дикой спекуляции и всякого рода злоупотреблений и подделок.

Впоследствии усиленный спрос на текстильные изделия предъявило население, в частности, крестьянство, в руках которого скопились значительные денежные средства, и это, при уменьшившихся к тому времени запасах, повело к резкому скачку цен в 1915/16 году. Установленные правительством твердые цены на хлопок не могли удовлетворить производителей, и закупить что-нибудь по этим ценам не было возможности. Для обеспечения текстильной промышленности хлопком был образован специальный орган, сокращенно называвшийся „Центро-Хлопок“. При Временном Правительстве были также образованы „Центро-Пряжа“ и „Центроткач“. Эти три комитета ведали также установлением твердых цен.

Если предельные цены могли еще быть до известной степени установлены на хлопок и пряжу, то при установлении их на ткани представлялись почти непреодолимые трудности. Первоначально предполагалось, что твердые цены будут установлены на важнейшие сорта тканей, а производ-

ство всех прочих видов их будет запрещено, но большинство фабрикантов немедленно заявило, что они могут изготовлять только привычные сорта тканей. Поэтому твердые цены были установлены лишь на наиболее распространенные сорта, но это привело к тому, что как раз эти сорта перестали выделываться, и в конце концов, были сделаны общие прибавки к ценам прейс-куранта 1914 года. Но все эти постановления обходились, и, в тех случаях, когда они соблюдались фабриками, это вело лишь к добавочному обогащению посредников.

Шерстяная промышленность, благодаря поставкам сукна на армию, была настолько загружена, что работала частью в 3 смены, но недостаток шерсти привел вскоре к сокращению производства.

Льняная и пеньковая промышленность также имела большие заказы, тем более, что прекратился ввоз джута.

Строительная промышленность еще перед войной переживала некоторый кризис, в виду роста цен на материалы и рабочие руки и вздорожания кредита. Во время войны строительство, особенно городское, почти не производилось, не считая фабричного и железнодорожного строительства, связанного с нуждами войны.

Кожевенная промышленность имела большие заказы на армию, но страдала от недостатка сырья, особенно дубильных и красящих веществ.

Сахарная промышленность перед войной усиленно развивалась, несмотря на то, что и урожайность, и общий сбор сахарной свеклы были сравнительно незначительны; последний почти вдвое меньше, чем в Германии. Сахар играл значительную роль как в вывозе России (в 1912 г.—27,98 милл. руб.), так, особенно, для внутреннего потребления, в связи с широко распространенным потреблением чая. Среднее потребление сахара на душу составляло в 1913/14 году—18,22 фунта и увеличилось за последнее десятилетие на 4 фунта. В России так же значительно больше, чем в Германии, распространено употребление варенья. Недостаток сахара воспринимался поэтому очень болезненно, особенно рафинада, так как народ пьет чай вприкуску.

В 1913/14 году работало 296 сахарных заводов, из которых 41 имели рафинадные отделения; кроме того, работало 22 рафинадных завода. Рафинадные заводы располо-

жены, главным образом, в юго-западной России и в Польше, в частности: в Киевской губернии—75, в Подолии—52, в Харькове—29, в Варшаве—19. Производство сахара за 1913/14 год составляло в круглых числах $55^1/_2$ милл. пуд. рафинада и 35 милл. пуд. сахарного песку; $8^1/_2$ милл. пуд. сахара было вывезено в Финляндию и за границу, преимущественно, в Персию, Китай и Турцию.

Сахарная промышленность уже в течение долгого времени и до войны подвергалась государственному регулированию, в частности, в отношении цен на сахар-сырец, предназначенный для внутреннего рынка. Министр финансов ежегодно устанавливал контингент сахара, подлежащего выпуску на внутренний рынок, контингент экспортного сахара, разрешаемого к вывозу, и размер так называемого запаса, который мог поступать в продажу только с разрешения министра финансов. Если цены на сахар поднимались выше определенного уровня, министр финансов разрешал выпуск на внутренний рынок части экспортного сахара или неприкосновенного запаса, пока цены не падали до установленного уровня.

Хотя запрещение продажи спиртных напитков и сократило употребление сахара при выделке ликеров, но душевое потребление сахара в армии было значительно выше обычного потребления крестьянского населения, да и последнее во время войны значительно возросло, в частности, в связи с запрещением водки. Таким образом, общее потребление сахара в стране сильно увеличилось.

Площадь посевов сахарной свеклы сократилась, так как свекла требует глубокой вспашки и является трудоемкой культурой, во время же войны недоставало рабочих рук, рабочего скота и удобрений.

Посевная площадь составляла:

в 1914/15 году	731.000 дес.
„ 1915/16 „	683.000 „
„ 1916/17 „	613.000 „
„ 1917/18 „	543.000 „

Сахарные заводы увеличили собственные посевы свеклы; они составляли (без Польши):

в 1914/15 году	257.000 дес.
„ 1917 году	370.000 „

Крестьянские же посевы сильно сократились.

Производство сахара сократилось еще сильнее, чем посевы свеклы, так как, за недостатком рабочих рук, уборка ее не могла производиться своевременно, и она попадала под морозы, что уменьшало ее сахаристость или вело к полной ее гибели. Кроме того, сахарным заводам приходилось иногда приостанавливать производство из-за неполучения угля, что также влияло на уменьшение выработки сахара.

Выработка сахара составляла:

в 1914/15 году	108 милл. пуд.
„ 1915/16 „	91 „ „
„ 1916/17 „	73 „ „
„ 1917/18 „	40—50 милл. пуд. (приблизительная оценка).

Цена на сахар была установлена на 1914/15 год в 2,25 руб. + 1,75 руб. акциза—всего 4 руб. пуд., затем, 9 октября 1915 года была установлена твердая цена для закупок для армии, а 30 октября 1915 года она была распространена на все закупки сахара. „Особым Совещанием по продовольствию“ были установлены следующие цены за пуд сахара (без акциза):

на 1915—16 год	3,10 руб.
„ 1916—17 „	4,60 „
„ 1917—18 „	19,30 „

В январе 1916 года в Киеве было учреждено „Центральное Бюро для закупки сахара“ (Центросахар).

Увеличившиеся расходы требовали увеличения оборотных средств предприятий, и правительство шло им в этом отношении навстречу путем выдачи авансов; они выдавались в три срока: к началу посева, ко времени созревания и к уборке урожая. Выданные авансы засчитывались при сдаче предприятиями сахара „Центросахару“.

Временное Правительство 14-го сентября 1917 года ввело монополию на торговлю сахаром, которая должна была вступить в силу 1-го ноября 1917 года.

Внешняя торговля.

Общие сведения.

С началом войны были закрыты границы с Германией и Австрией и южная часть Балтийского моря; с вступлением в войну Турции (16-го октября 1914 года) был закрыт и выход из Черного моря через Дарданеллы; морская торговля со Швецией упала с $6^1/_2$ мил. тонн нетто в 1913 г. до 2.300 тонн нетто в 1915 году.

Из европейских границ оставались свободными, не считая Румынии, Болгарии и Сербии, пути через Архангельск и через северную часть Балтийского моря, но они не были приспособлены к транспорту массовых грузов. Так, в мирное время на гавани Белого моря, а также Швецию, Норвегию, Румынию, Болгарию и Сербию приходилось 5% общего вывоза и $2^1/_2$% ввоза. Хлебный вывоз Росии в 1913 году распределялся следующим образом (в процентах):

	Через гавани Балтийского и Белого морей.	Через западн. сухопутн. границу.	Через гавани Черного и Азовского морей.
Пшеница	10,9	1,8	83,3
Рожь	28,3	5,2	66,5
Ячмень	0,3	5,8	93,9
Овес	85,1	5,6	11,3
Кукуруза	—	35,8	64,2

Железная дорога Вологда — Архангельск была узкоколейной; перешивка на широкую колею участка Вологда — Няндома была закончена только 23 октября 1915 года, а участка Няндома—Архангельск—15-го января 1916 года. Мурманская ж. д. была закончена, да и то в весьма несовершенном виде, в октябре 1917 года. Дорога Вологда — Архангельск до перешивки ее на широкую колею имела весьма небольшое значение для внешней торговли, и во время войны воз-

родился гужевой транспорт между Архангельском и Вологдой, который производился даже до Петрограда, на расстоянии до 1,300 километров. Часть ввоза, особенно американские военные поставки, шла через Владивосток по всей Сибирской ж. д.

Ввоз России во время войны представляется в следующем виде (в милл. руб.):

	1913/14 г.	1914/15 г.	В %% от 1913/14 г.	1915/16 г.	В %% от 1913/14 г.	1916/17 г.	В %% от 1913/14 г.
Июль	111,8	72,7	65 0	62,9	56,3	112,0	100,2
Август	106,5	31,1	29,2	69,1	64,9	173,4	162,8
Сентябрь	104,0	30,0	28,8	76,3	73,4	160,2	154,0
Октябрь	125,2	26,1	20,8	95,7	76,4	134,1	107,1
Ноябрь	115,5	26,9	23,3	90,2	78,1	113,6	98,4
Декабрь	93,7	42,3	45,1	89,1	95,9	337,8	360,5
Январь	116,7	20,7	17,7	58,2	49,8	78,0	66,9
Февраль	114,5	21,4	18,7	70,5	61,6	144,5	126,2
Март	109,8	16,5	15,0	86,6	78,9	133,6	121,7
Апрель	121,4	30,7	25,3	49,4	40,7	134,9	111,1
Май	126,3	37,0	29,3	87,6	69,4	203,5	161,1
Июнь	121,4	54,9	45,2	118,3	97,5	158,9	130,9
Всего за год	1.366,8	416,1	30,4	1.065,1	77,9	1.992,0	145,7

В первый год войны ввоз составлял, по ценности, 30,4% ввоза последнего мирного года, во второй год войны—77,9, а в третий год войны превзошол ввоз 1913—14 гг. на 45,7%.

Война внесла также значительные изменения в распределение ввоза по группам товаров, а именно (в милл. руб.):

		Жизненные припасы.	Сырье и полуфабрикаты.	Готовые изделия.
Июль—июнь	1913/14 г.	175,1	700,3	488,6
июль—декабрь	1914 г.	36,9	112,1	79,5
январь—июнь	1915 г.	32,1	78,2	70,3
июль—декабрь	1915 г.	43,6	221,6	245,1
январь—июнь	1916 г.	49,3	164,6	256,6
июль—декабрь	1916 г.	78,2	417,2	750,0
январь—июнь	1917 г.	42,1	200,9	345,8

Эти цифры показывают резкое уменьшение ввоза жизненных припасов, сырья и полуфабрикатов, а в первый год войны и готовых изделий; но со второго полугодия 1915 года ввоз готовых изделий начинает расти и за второе полугодие 1916 года дает увеличение против мирного времени в три раза.

Ввоз через Владивосток дает во время войны резкое увеличение; он составлял:

в 1913 г.	21,3	милл. руб.
„ 1914 „	29,1	„ „
„ 1915 „	301,1	„ „
„ 1916 „	771,4	„ „
За первое полугодие 1917 г.	257,1	„ „

По американской статистике вывоз из Соединенных Штатов в Россию составлял:

в 1914/15 г.	37,5	милл. долларов
„ 1915/16 „	178,7	„ „
„ 1916/17 „	428,70	„ „

Этот вывоз составлял, главным образом, военные материалы, станки и машины для русской военной промышленности, жел.-дорожный материал и автомобили и шел, преимущественно, через Владивосток.

В вышеуказанной таблице дана ценность ввоза, но при падении курса рубля и вздорожании товаров она не дает истинной картины изменения ввоза и может повести к заблуждениям. Исчислив ценность ввоза за время войны в довоенных ценах, получим следующую таблицу, где ввоз за 1913—14 год принят за 100:

	Жизненные припасы	Сырье и полуфабрикаты	Готовые изделия	Всего
1914 г. 2-ое полуг.	42,2	32,8	43,4	34,6
1915 г. 1-ое „	34,8	35,4	39,4	36,6
1915 г. 2-ое „	40,1	56,2	89,4	66,0
1916 г. 1-ое „	29,4	42,3	98,5	59,1
1916 г. 2-ое	47,0	62,2	173,2	100,4
1917 г. 1-ое „	28,2	28,2	82,1	60,6

В этой таблице еще явственнее видно падение ввоза жизненных припасов, сырья и полуфабрикатов; к тому же ввозимые товары шли, главным образом, для нужд войны, а не на развитие народного хозяйства. Несмотря на трудности ввоза, ввоз предметов роскоши увеличился, пока он не был ограничен законодательным путем 20-го октября 1916 года, а в феврале 1917 г. вовсе запрещен. Запрещение ввоза тех или других товаров оказывало, конечно, некоторое влияние на строение его; некоторые запрещения ввоза представляются удивительными (для человека, незнакомого с российской действительностью—М. З.); так например, постановлением Совета Министров от 26 января 1916 года был запрещен ввоз переплетенных книг (во избежание провоза в переплетах нелегальной литературы — М. З.).

Путем освобождения от пошлины, правительство стремилось увеличить ввоз тех предметов, в которых ощущался недостаток; так например, разрешался беспошлинный ввоз спичек, машин для уральской и сибирской золотопромышленности и т. д.

Вывоз. Из основных предметов вывоза, вывоз хлеба во время войны отпал, в связи с потребностями войны, вывоз же леса, вследствие закрытия обычных торговых путей, страдал еще больше, чем ввоз. К тому же были изданы различного рода запрещения вывоза, которые должны были воспрепятствовать тому, чтобы важные в военном отношении товары попадали в неприятельские страны.

Эти запреты распространялись очень далеко; так, например, был запрещен вывоз икры и драгоценных мехов (соболь и др.). Из гаваней на Белом море лес мог вывозиться только на русских судах или судах союзных стран, хотя, казалось бы, не могло быть сомнений в том, что Германия, особенно в первые годы войны, может покрыть свою потребность в лесе ввозом из Скандинавских стран. Так как русских судов было мало, а английским и французским было не до вывоза леса из Архангельска, в результате, к осени 1915 г. в Архангельске скопилось на 40 милл. руб. лесоматериалов, которые не могли быть вывезены.

Ценность вывоза через европейскую границу за годы войны следующая (в милл. руб.—см. след. стр.).

Так как и здесь падение курса рубля и вздорожание товаров искажает действительную картину, необходимо и эту таблицу дать в относительных числах по ценам 1913 г.;

	1913/14 г. всего.	1914/15 г. всего.	% вывоза 1913/14 г.	1915/16 г. всего.	% вывоза 1913/14 г.	1916/17 г. всего.	% вывоза 1913/14 г.
Июль	123,8	123,3	99,6	30,8	24,9	61,1	49,3
Август	158,8	12,2	7,7	46,5	29,9	82,5	52,0
Сентябрь	159,5	10,6	6,6	42,6	25,7	55,5	34,8
Октябрь	144,3	15,5	10,7	53,2	36,9	49,4	34.2
Ноябрь	135,4	15,9	11,7	25,0	18,5	37,2	27,5
Декабрь	135,1	11,1	8,2	21,6	16,0	21,9	16,2
Январь	100,7	9,6	9,5	17,2	17,8	14,2	14,1
Февраль	92,3	11,0	11,9	17,7	19,2	9,2	10,2
Март	106,0	10,5	9,9	19,8	18,7	14,2	13,4
Апрель	104,6	11,5	10,0	39,7	38,0	15,7	15,0
Май	139,8	23,4	16,7	25,1	18,0	23,4	16,7
Июнь	134,3	28,2	21,0	49,2	36,6	34,5	25,7
Всего за год	1.534,6	282,8	18,4	388,4	25,3	418,8	27,3

принимая вывоз за 1913—1914 год за 100, получим следующую таблицу вывоза за годы войны:

	Жизненные припасы.	Сырье и полуфабрикаты.	Готовые изделия.	Всего.
1914 г. 2-ое полугодие	21,6	24,0	40,2	22,8
1915 „ 1-ое „	7,2	9,2	53,2	8,8
1915 „ 2-ое „	16,2	22,2	26,0	18,4
1916 „ 1-ое „	6,4	18,0	34,0	11,2
1916 „ 2-ое „	10,7	27,8	57,5	18,6
1917 „ 1-ое „	1,5	7,9	48,2	4,7

Таким образом, вывоз упал много сильнее, чем ввоз. Одной из причин этого являлась, по мнению некоторых экономистов, близорукая и невежественная политика правительства. В частности, следствием огульного запрещения вывоза хлеба и продовольствия явилось то, что в Сибири скопились огромные запасы продовольствия, которые, за недостатком транспорта, не могли быть вывезены в Евро-

пейскую Россию, между тем как они могли быть с успехом вывезены через Владивосток в нейтральные и союзные страны. Это дало бы возможность использовать подвижной состав, который порожняком шел из Европ. России во Владивосток и значительно улучшил бы торговый и платежный баланс России, без ущерба для дела продовольствия армии и страны.

Торговый баланс.

Россия имела в мирное время сильно активный торговый баланс, который строился, главным образом, на вывозе хлеба. В последние годы перед войной активность торгового баланса уменьшалась; превышение вывоза над ввозом составляло:

в 1911 г.	429,7	милл. руб.
„ 1912 „	346,6	„ „
„ 1913 „	200,4	„ „
„ 1914 „ 1-ое полуг.	33,0	„ „

Таким образом, в 1-м полугодии 1914 года баланс оказался даже пассивным. В годы войны, когда вывоз сократился гораздо больше ввоза, пассивность баланса резко возросла, что и характеризуется нижеследующей таблицей:

	Ввоз. Через европ. и азиатск. границу (в миллион. руб.	Вывоз.	Превышение вывоза + ввоза −
1913/14 год	1.470,2	1.697,4	— 227,2
1914 г. 2-ое полугодие	297,5	228,4	— 69,1
1915 „ 1-ое „	368,3	129,0	— 239,3
1915 „ 2-ое „	763,3	268,2	— 495,0
1916 „ 1-ое „	865,5	222,1	— 643,4
1916 „ 2-ое „	1.817,0	357,2	— 1.459,8
1917 „ 1-ое „	1.255,1	144,2	— 1.110,9
1917 „ с 1 июля по 23 октября	969,9	242,5	— 727,4

Нужно, правда, иметь в виду, что, во-первых, рост абсолютных цифр зависит также от падения курса рубля, во-вторых, что пассивность торгового баланса во время войны имела другое значение, чем в мирное время, так как ввоз, в большей своей части, состоял из предметов военного снаряжения, которые Россия оплачивала или заграничными займами или получала в кредит.

Транспорт.

Железные дороги.

А. Железнодорожное строительство

Войны всегда имели в России особое значение для развития железнодорожного строительства. Крымская война дала первый толчок железнодорожному строительству, к которому, за недостатком государственных средств, были допущены и частные общества. Опыт русско-турецкой войны 1877—78 года показал необходимость централизации железнодорожного хозяйства и побудил правительство приступить к выкупу частных жел. дорог в казну. Все же в железнодорожном строительстве преобладающая роль осталась за частными обществами; так, из строившихся на 31 декабря 1914 г. 15.744 верст только 3.406 строились казной.

Война внесла ряд новых задач в дело железнодорожного строительства. Так как с началом ее были закрыты пути через западную границу, Балтийское море и Дарданеллы, было необходимо обеспечить другой путь для сношения с союзниками. Ближайшим был путь через Белое море, но к нему подходила лишь одно- и узкоколейная железная дорога Вологда — Архангельск (595 верст). От Вологды шла железная дорога на Петербург (560 верст), на Москву (454 версты) и через Вятку — Екатеринбург в Сибирь; от Вятки отходит линия до Котласа, от которого имеется сообщение с Архангельском по Сев. Двине. Осенью 1914 года было решено перешить дорогу Вологда — Архангельск на нормальную колею, при чем работы должны были быть закончены весной 1915 года, но лишь 23 октября 1915 года было открыто движение по широкой колее на участке Вологда — Няндома, участок же Няндома — Архангельск был закончен лишь в январе 1916 года. Были приняты меры к обо-

рудованию порта в Архангельске в соответствии с новыми потребностями; шесть ледоколов было поставлено на работы в порту, в 1915 г. были устроены большие причалы, противопожарные приспособления, жел.-дорожные ветки и т. п.

Так как связь через Архангельск могла, при замерзаемости Белого моря, иметь только ограниченное значение, вновь на очередь стал вопрос об обеспечении железнодорожной связи России с одной из северных незамерзаемых гаваней. В первую очередь были приняты меры к улучшению связи между русскими и шведскими железными дорогами, для чего в конце 1914 года была построена одноколейная ветка на 25 верст от Карунги до Торнео. Но для присоединения к шведским дорогам необходимо было построить мост через реку Торнео. Русское правительство хотело принять на свой счет расходы по соединению русских (финляндских) и шведских железных дорог, но шведское правительство медлило согласием из-за опасений военного свойства, и только 1-го декабря 1915 г. была открыта дорога Карунги — Гапаранда.

Для непосредственной связи с незамерзающей гаванью был выдвинут проект постройки железной дороги к Мурманскому побережью, для которой было избрано направление: от станции Званка, что по линии Петербург — Вологда, на Петрозаводск — Кемь — Кола. Постройка линии Званка — Петрозаводск была начата одним частным обществом еще в 1913 году и закончена летом 1915 года. Постройка Мурманской железной дороги представляла значительные трудности; ее приходилось вести сквозь большие леса, а в северной части - по болотистой местности. Эта область была редко заселена, частью совершенно необитаема. Доставка материалов и продовольствия для рабочих представляла большие трудности, условия работы были чрезвычайно тяжелые. Дорога до бухты Сорока была закончена весной 1916 года, остальная часть была открыта для временного движения в конце 1916 года. Но уже после открытия дороги, эксплоатация ее часто нарушалась тем, что отдельные участки дороги, проходившие в неблагоприятной местности и спешно построенные, давали обвалы, мосты рушились и т. п. Из Шотландии к Мурманскому побережью был проложен кабель.

К началу войны Сибирь и Туркестан были связаны с центральной Россией лишь одним железнодорожным мостом через Волгу, у Батраков, близ Сызрани.

Одноколейная дорога Вологда — Вятка — Пермь — Екатеринбург, связывавшая Петербург с Сибирской магистралью, имела сравнительно малую пропускную способность. Было поэтому необходимо отстроить возможно скорее участок Бугульма — Чишмы на линии Уфа — Самара и получить, таким образом, соединение Сибирской магистрали с Волго-Бугульминской дорогой и железнодорожным мостом через Волгу у Симбирска; этот участок 15 августа 1914 года был уже открыт для движения. Третий переход через Волгу должна была дать дорога Казань — Екатеринбург.

При постройке Сибирской магистрали, восточная ее часть была проведена не по территории России, на Сретенск — Хабаровск, а через Маньчжурию, на Харбин до Никольск-Уссурийска (Восточно-Китайская ж. д.) и далее, по Уссурийской железной дороге, до Владивостока.

Уже в результате поражения в русско-японской войне Восточно-Китайская дорога потеряла часть своего значения для России и возросло значение обходного направления на Сретенск — Хабаровск, и в 1908 году была начата постройкой Амурская ж. д., законченная в 1917 году; общее протяжение Амурской ж. д. 1.974 версты, из которых в мае 1914 года было уже открыто для движения 1.484 версты. В связи с укреплением положения Японии в Китае во время войны, Амурская железная дорога приобрела для России особую важность, так как связь с Владивостоком по Восточно-Китайской железной дороге легко могла быть нарушена.

Оговариваясь скудостью материала по данному вопросу, попытаемся дать общую картину железнодорожного строительства во время войны.

Казенное железнодорожное строительство должно было сжиматься. Все средства государства шли на войну, кредиты на культурные и производительные расходы сокращались, замедлялась достройка начатых сооружением железных дорог (за исключением Мурманской железной дороги, вызванной к жизни войной и законченной постройкой в 1916 году). Амурская дорога, уже открытая для временной эксплоатации, была открыта окончательно только в 1917 г. Дороги: Мерефа — Херсон — Гришино — Ровно, Гришино — Рутченково и Гришино — Доброполье задерживались сооружением, при чем первые две так и не были закончены. С частным железнодорожным строительством дело обстояло не лучше. Вследствие дороговизны материалов и рабочих

рук, они израсходовали все свои строительные капиталы, не закончив сооружения новых линий. Казна пришла на помощь. В 1917 году была открыта подписка на железнодорожный заем в 750 милл. руб. для образования новых и увеличения старых строительных капиталов: 491 милл. руб. приходилось на прежние крупные железнодорожные общества и 259 милл. руб. на новые общества. Часть линий была сооружена.

К 1-му января 1917 года было построено 7.975 верст, в том числе казной 2.266 верст или 29%; частными обществами — 5.709 верст или 71%.

Казна построила только одну дорогу значительного протяжения — Мурманскую и одну линию — Одесса — Смела. В среднем, за год за время войны, сеть увеличилась на 2.658 верст или на 4% ее длины, т.-е. в два раза слабее ежегодного прироста грузового движения (8%) и в четыре раза слабее прироста пассажирского движения (15%).

Длина сети к 1-му января 1917 года. Длина сети зависела во время войны не только от сооружения новых линий, но и от занятия некоторых жел. дорог неприятелем. Протяжение всей сети русских жел. дорог, открытой для правильной эксплоатации, а равно и для временного движения, протяжение дорог строящихся и разрешенных к постройке, без выключения линий, занятых неприятелем, представлялось на 31 декабря 1916 года в следующем виде:

	Казенных.	Частных.	Итого.
1) Открытых для правильного движения—верст	45.571	26.918	72.489
2) Открытых для временного движения	3.673	6.621	5.254
3) Строящихся	3.828	6.621	10.449
4) Разрешенных к постройке . .	1.282	8.596	9.867
Сверх того, жел. дорог:			
Финляндии	3.764	102	3.866
Китайско-Восточной	—	1.619	1.619
Финляндских строящихся . . .	177	—	177

Таблица говорит, что в ближайшие же годы к имеющейся сети, протяжением в 72.489 верст, должно приба-

виться 15.706 верст новых линий, уже строившихся и даже открытых для движения.

Под действием войны сеть не увеличилась, а уменьшилась.

На 1-е января 1916 года неприятель занимал около 6,8 т. верст путей. К концу 1916 года, в связи с неудачами на фронте, длина уступленной неприятелю сети достигала 8 тыс. верст. Таким образом, длина сети русских жел. дорог к 1-му января 1917 года, вместо 72.489, достигала только 64.489 верст, или, иначе, осталась почти прежних довоенных размеров (63.486), увеличившись всего лишь на 1½%. В соотношениях европейской и азиатской сетей, после открытия в Азии новых жел. дорог и отхода в Европейской России части линий к неприятелю, произошло крупное изменение. Прежде Азиатская сеть занимала 14,7% (9.303 вер.), к концу же войны она стала занимать 17,6%.

Б. Состояние транспорта.

Подвижной состав русских железных дорог едва соответствовал потребностям мирного времени; несмотря на это, в течение последних 6-ти лет перед войной, увеличение его производилось далеко не в достаточных размерах. В 1912 г. на 43.076 верст казенных жел. дорог приходилось 14.772 паровоза, из которых 3.902 постройки 1857 — 1891 г.г.; на частных жел. дорогах на 19.738 верст приходилось 14,552 паровоза, построенных после 1892 года.

Большинство жел.-дорожных перевозок в России приходится на зимнее полугодие, главным образом, перевозки массовых грузов, хлеба и топлива; кроме того, зимою увеличению железнодорожных перевозок способствует прекращение навигации.

Подвижной состав изнашивается, главным образом, зимою как вследствие увеличения перевозок, так и по климатическим условиям, ремонт же его производится летом; поэтому число требующих ремонта паровозов достигает максимальной величины к концу зимнего периода, а минимальной к концу летнего.

Хотя военные действия и повели к уменьшению числа подвижного состава, часть которого была захвачена неприятелем, но, в виду потери также железных дорог, плотность

его на оставшейся сети возросла. Новое строительство паровозов, несмотря на все усилия, далеко не удовлетворяло потребности; построено было новых паровозов в России:

в 1913 году	535
„ 1914 „	749
„ 1915 „	910
„ 1916 „	599
за 1-е 9 месяц. 1917 г. . .	301

По другим источникам, построено было: в 1914 г.— 816 паровозов; в 1915 г.—903; а за весь 1917 год—396; кроме того, ввезено в 1916 году 400 и в 1917 г.—375 паровозов.

Ремонт паровозов также не удовлетворял потребности, и % больных паровозов стал возрастать; в 1916 году паровозы, требовавшие ремонта, составляли 16,3—17,6% всего паровозного парка, в июле 1917 года до 24,7, а на отдельных линиях до 50 %, в мирное же время число больных паровозов составляло 12—14%. Вагонный парк во время войны также сильно пострадал; число больных вагонов, составлявшее в мирное время 2,4—4%, в 1916 г. составляло 3,3—5,4%, а в июле 1917 года возросло до 9-ти %.

Железнодорожные мастерские не были подготовлены к такому усиленному ремонту, что особенно сказалось в суровую зиму 1916/17 года, когда, вследствие морозов и снежных заносов, число требовавших ремонта паровозов особенно возросло; работы приходилось производить частью под открытым небом, так как не хватало крытых помещений, и, разумеется, на морозе в короткие зимние дни производительность была очень мала. Не хватало также обученных рабочих, недоставало сырья, топлива и запасных частей.

Воинские перевозки потребовали в первые месяцы войны половины, а в дальнейшем—одной трети всего подвижного состава всей сети жел. дорог.

Прием частных грузов в первый месяц войны был совсем прекращен, а в конце августа 1914 года был частично возобновлен.

Перевозки пассажиров в первый год войны также сократились и составляли в первое полугодие 1915 года 110,3 милл., против 142,8 милл. в первое полугодие 1914 г.;

в дальнейшем они возросли; товарные перевозки дают также сильный рост, при чем война внесла значительное изменение в направление грузовых потоков.

Особенно способствовала расстройству транспорта эвакуация местностей, угрожаемых неприятельским вторжением, и та беженская волна, которая хлынула из этих районов. В течение двух месяцев для перевозки беженцев потребовалось 115 тысяч товарных вагонов.

Самая эвакуация грузов и перевозка беженцев производилась без плана, груженные вагоны перегонялись по всей сети и создавали пробки.

Расстройство транспорта влекло за собой общее расстройство хозяйственной жизни страны. В городах жители мерзли, угля нехватало даже для железных дорог, в то время как в Донецком бассейне приходилось сокращать добычу угля из-за того, что на копях скоплялись огромные запасы невывезенного угля. Продовольствие гнило в хлебородных районах, в то время как в столицах и промышленных районах был острый продовольственный кризис.

Число крушений на железных дорогах увеличилось, что отчасти вызывалось чрезмерной напряженностью работы личного состава.

Как заявил министр путей сообщения А. Ф. Трепов в Думе 15 марта 1916 года, работа железных дорог во время войны возросла против мирного времени на 40 — 50%. „Поэтому, по его мнению, не приходится говорить о расстройстве транспорта; можно и должно говорить о недостаточности развития сети железных дорог, о недостатке подвижного состава, а не о расстройстве транспорта. Сеть работает с полным напряжением, большим, чем в мирное время, и если, тем не менее, слышатся нарекания на железные дороги, то основная причина этого лежит в том, что от железных дорог требуется значительно большая работа, чем та, которую они могут выполнить". Хотя объяснения Трепова и вполне правильны, но они ничего не изменяют в том, что все народное хозяйство, особенно население крупных городов, страдало от того, что транспорт не справлялся с перевозкой необходимых грузов. На четвертом съезде Всероссийского Городского Союза, в марте 1916 г., указывалось, что во второй половине февраля 1916 г. на станциях скопилось 150.000 груженых вагонов, из них 50.000 со срочными грузами; 575 станций было вообще закрыто для приема грузов.

Прочие пути сообщения.

На ряду с железными дорогами, особенно по мере их расстройства, надлежало возможно шире использовать водные пути. Россия имеет большое число судоходных рек; главнейшей из них, на которую приходится большая часть всех водных—товарных и пассажирских перевозок, является Волга с Мариинской системой, соединяющей бассейн Волги с Балтийским морем. Проект соединения бассейнов Черного и Балтийского морей, как было уже указано, так и не был приведен в исполнение.

В 1915 году перевозки по водным путям были меньше, чем в 1914 году, при чем одной из причин этого считалось отсутствие на водных путях централизованного управления.

Поэтому, указом от 17 января 1916 г., был образован комитет по водным перевозкам с подведомственными ему местными комитетами. Председателям этих комитетов были предоставлены широкие полномочия; так, например, они имели право отстранять директоров транспортных обществ. Задачами комитетов было: заведывание перевозками топлива, продовольствия и предметов военного снабжения; установление общих планов перевозок; установление рода, очереди и направления перевозок для отдельных транспортных предприятий; привлечение этих предприятий к обязательным перевозкам; установление твердых цен за перевозки, равно издание общих предписаний по указанным вопросам.

Для поощрения речного судостроительства выдавались ссуды на постройку непаровых судов, предназначенных для движения по Волге и Мариинской системе; ссуды эти доходили до 50% общей стоимости судна и были беспроцентными в течение трех лет.

В целях разгрузки железных дорог был предпринят, хотя и с большим запозданием, ряд мер, чтобы направить грузы с железных дорог на водные пути. Законом от 10 апреля 1917 г. Временное Правительство предоставило жел. дорогам право передавать грузы, принятые для перевозки по жел. дорогам, на водные пути. Число грузов, передаваемое ежедневно с железных дорог на водные пути и обратно, составляло: в мае 908 ваг., в июне 1.184, в июле—1.393. Успех этого закона был все же незначительный; он был издан слишком поздно, так что не могла быть использована высокая весенняя

вода, не были в достаточной мере оборудованы речные гавани, да и в действиях жел.-дорожных властей и уполномоченных комитета по водным перевозкам не было достаточно согласованности. Кроме того оказывало свое влияние общее положение в стране после февральской революции.

Во многих местах, благодаря расстройству железнодорожного транспорта, возродились гужевые перевозки, даже на очень дальние расстояния, как, например, Архангельск—Вологда, о чем уже было упомянуто выше.

Сельское хозяйство во время войны.

Сельское хозяйство России в последние годы перед войной, как и все народное хозяйство, переживало период быстрого подъема, для характеристики которого достаточно привести несколько цифр. Ввоз искусственных удобрений, составлявший в 1905 году 15,4 милл. пудов, в 1913 году возрос до 34,2 милл. пудов; одновременно добыча суперфосфатов в России так же быстро возрастала и составляла: в 1903 году — 43.000 тонн, а в 1910 — 88.000 тонн. Ввоз сельско-хозяйственных машин, составлявший в 1903 году 4,41 милл. пудов, в 1913 году поднялся до 7,64 милл. пуд. при одновременном чрезвычайно сильном росте внутреннего производства сельско-хозяйственных машин.

В начале войны в России не считали необходимым принимать какие-либо меры для поднятия сельско-хозяйственного производства; это вполне понятно, так как в мирное время Россия была страной с огромным вывозом хлеба. Опасались обратного — резкого падения цен в связи с прекращением вывоза, и считалось необходимым установление минимальных цен, по которым государство должно было скупить излишки хлеба, чтобы не допустить чрезмерного падения цен. Еще в объяснительной записке к проекту бюджета на 1915 год говорилось о том, что излишки хлеба будут сняты с рынка, благодаря закупкам для армии и вывозу в соседние дружественные страны. Поэтому к уменьшению посевной площади относились первоначально без особого беспокойства.

Сбор хлебов в России, сравнительно с населением ее, вовсе не велик; по исчислениям некоторых экономистов, за вычетом семян, приходится на душу в Германии — 376 килограммов, а в России — 378 — 390 килограммов, т.-е. немногим больше, чем в Германии; правда, продовольственных хлебов приходится на душу в России 230 килограммов, а в

Германии — 200. Россия могла вывозить так много хлеба только потому, что питание населения, особенно потребление мяса, было много ниже, чем в Германии. Это относится не только к населению, но и к скоту; так, например, в России на лошадь приходится в год 400 — 500 килограммов овса, а в Германии 2.000 килограммов. Можно отметить, что как раз в овсе сказался, прежде всего, недостаток, и первые твердые цены были назначены на овес.

Во время войны на сельское хозяйство неблагоприятно влияли следующие обстоятельства: призывы населения в войска, реквизиции лошадей и скота, недостаток сельскохозяйственных орудий, машин и удобрений, прекращение вывоза хлеба, а также ликвидация земель иностранных подданных и выходцев, в частности, немецких колонистов. Чрезвычайное благоприятное влияние на сельское хозяйство оказало запрещение продажи водки.

Рабочий вопрос в русском сельском хозяйстве, при сравнительно малом распространении машин, имеет другое значение, чем на Западе. Колоссальные призывы в армию падали, главным образом, на крестьянство, не только потому, что оно составляет подавляющую массу населения, но также и потому, что городское население в значительной части было освобождено от призыва в войска, как работающее на оборону. Хотя в России и существовал значительный земельный голод и, следовательно, излишек рабочей силы в деревне, но это наблюдалось не во всех районах страны. В губерниях, прилегающих к Москве и Петербургу, в так называемой „бабьей стороне“, сельско-хозяйственные работы выполняются женщинами, а мужчины уходят в столицы рабочими, дворниками, извозчиками и т. д. В этих губерниях, играющих, правда, незначительную роль в продовольственном балансе страны, призывы в войска не имели особого значения для сельского хозяйства. Они не оказали также особого влияния на сельское хозяйство центральных губерний, которые в мирное время давали основную массу сезонных сельско-хозяйственных рабочих, устремлявшихся на юг и юго-восток. Наиболее тяжело отзывались призывы в армию как раз на основных хлебных районах, сельское хозяйство которых строилось, в значительной мере, на найме сезонных рабочих, приток которых из центральных губерний во время войны прекратился. Значительное сокращение посевной площади отмечается также на казачьих землях, так как казаки давали больший процент призываемых в армию, не-

жели прочее крестьянство. Посевная площадь в основных хлебных районах дает, например, под озимыми хлебами в 1915 году следующее уменьшение:

	В процентах:
В Донской области на	37
„ Царицынском уезде, Саратовской губ.	50
„ Черноярском уезде, Астраханской губ. . . .	50
„ Новоузенском уезде, Самарской губ. . . .	23
„ Ставропольской губ.	26,5

В качестве замены недостающей рабочей силы, были использованы военнопленные; практиковались также добровольческие сельско-хозяйственные отряды из студентов и учеников средней школы; выдвигались проекты, не нашедшие осуществления, привлечения рабочих—китайцев и корейцев.

Значительный ущерб сельскому хозяйству наносили реквизиции лошадей и скота.

Лишь в конце 1915 года было постановлено, что на каждый крестьянский двор должно оставаться не менее двух лошадей, а в более крупных хозяйствах не менее 2 лошадей на каждые 12 десятин посева. Реквизиции скота особенно тяжело ударили по прифронтовым губерниям, где до 50 % скота было взято на нужды армии. При отступлении 1915 года много скота погибло вследствие плохого ухода за ним.

Недостаток сельско-хозяйственных орудий и машин достиг значительной остроты. Были сделаны попытки увеличить производство сельско-хозяйственных машин внутри страны, но при недостатке угля и железа они не могли иметь особого успеха. К тому же часть заводов сельско-хозяйственного машиностроения перешла к выделке военного снаряжения. К заграничным машинам не хватало запасных частей. Хотя во время войны и производился ввоз сельско-хозяйственных машин из Америки и Швеции, но он далеко не мог удовлетворить потребности; особенно остро ощущался недостаток кос, ввоз которых в 1914 году составлял 1,68 милл. штук.

Прекращение вывоза оказало влияние лишь в первое время войны, когда наблюдалось падение цен, особенно на экспортные культуры, в частности, на лен. Но уже с конца 1914 года наблюдается перелом в движении

цен, который, начинаясь с продовольствия, распространяется на все продукты сельского хозяйства.

Неблагоприятное влияние на сельско-хозяйственное производство оказала также предусмотренная указами от 2 февраля и 13 декабря 1915 г. ликвидация земель неприятельских подданных и выходцев; она особенно должна была коснуться немецких колонистов. Общая площадь подлежавших ликвидации земель доходила до 3,2 милл. десятин и включала наиболее культурные хозяйства. Посевная площадь на этих землях резко сократилась, так как колонисты не производили посевов, сбор которых уже не мог им достаться. Херсонское земство выражало опасение, что этот богатейший край может потребовать ввоза хлеба, если не будут засеяны земли колонистов. Побудительной причиной к ликвидации земель подданных воевавших с Россией государств и выходцев оттуда было то, что русские помещики надеялись таким путем успокоить крестьянство и спасти свои земли.

Запрещение продажи водки оказало весьма благоприятное влияние на крестьянство, способствуя поднятию его благосостояния и повышению производительности его труда. Непосредственное влияние оно оказало на хозяйства, возделывавшие картофель для нужд винокуренных заводов, а также откармливавших скот отбросами винокурения. Этим хозяйствам, с прекращением винокурения, пришлось перестроить свое производство.

Какое же влияние оказали все эти обстоятельства в совокупности на посевную площадь и сбор хлебов? Цифры, появлявшиеся во время войны, сильно разнятся между собой и часто противоречат друг другу; в некоторых случаях, в целях успокоения населения, публиковались заведомо неверные цифры. Кроме того, при опубликовании относительных данных не всегда оговаривается, к чему они относятся: к яровым или озимым, или к тем и другим, относятся ли они ко всей России, или только к Европейской, или к части последней. Данные о посевной площади и урожаев в России, вообще, можно принимать только с большой осторожностью. Даже в Германии, где все условия значительно более благоприятны, данные сельско-хозяйственной статистики могут иметь только ограниченное значение, тем более это относится к России.

Данные Центрального Статистического Комитета и в мирное время не были вполне объективны; так, Комитету

публично был сделан упрек, что он при исчислении урожая 1912 и 1913 г.г. допустил преувеличение на 1 миллиард пудов. Все это нужно иметь в виду при рассмотрении нижеприводимых данных.

Прокопович в своей книге „Война и народное хозяйство", пользуясь данными Центрального Статистического Комитета, Особого Совещания по продовольствию и работы А. Е. Лосицкого „Урожай хлебов в России в 1917 г.", дает следующую таблицу изменения посевных площадей озимых (с озимым ячменем) и яровых (с овсом и картофелем) (в миллионах десятин).

Годы.	Озимые.	Яровые.	Все хлеба.	В %% 1913 г.—100
1913	35,69	67,01	102,70	100
1914	34,21	65,36	99,57	97,0
1915	29,72	59,25	88,97	86,6
1916	27,84	56,09	83,93	81,7
1917	28,59	57,20	85,79	83,5

Сильное уменьшение посевной площади в 1915 году вызывалось, главным образом, потерей западных губерний, оккупированных неприятелем.

Благодаря хорошему урожаю 1915 года, общий сбор хлебов (без картофеля) сократился гораздо менее, чем посевная площадь, и составлял (в миллионах пудов):

Годы.	Озимые.	Яровые.	Все хлеба.	В %%.
1909—13	1.763,6	2.878,5	4.642,1	100
1914	1.766,6	2.722,1	4.488,8	96,7
1915	1.847,8	2.676,5 [1]	4.526,3	97,5
1916	1.694,2 [1]	2.247,3	3.941,5 [1]	84,9 [1]
1917	1.434,5	2.377,6	3.812,1	82,1

Эти данные не дают истинной картины, так как за годы войны нет сведений по некоторым губерниям и областям. Если взять 45 губерний и областей Европейской России, по которым имеются сведения за все годы, получим следующие данные о посевной площади всех хлебов и картофеля в миллионах десятин:

[1] Цифры—приблизительные.

Годы.	Посевная площадь.	В % 1913 — 100.
1913	71,39	100
1914	71,76	100,5
1915	70,19	98,3
1916	64,74	90,7
1917	66,51	93,2

Уменьшение посевной площади в этих губерниях и областях наблюдается, таким образом, лишь с 1916 года.

Продовольствие.

Продовольственный кризис и дороговизна.

В начале войны едва ли кто-либо мог предполагать, что в России, в стране с огромным вывозом продовольствия, может наступить продовольственный кризис и что ей придется перейти к карточной системе, по поводу которой русские газеты так издевались над Германией. Но уже в 1915 году, сначала в крупных городах, стал замечаться недостаток продовольствия, который все обострялся. В 1916 и 1917 г.г. вопросы продовольствия, дороговизны и надвигавшегося голода не сходили со столбцов газет. Целый ряд комиссий правительственных, Союза Городов и Земств, общественных и научных организаций занимались изучением этих вопросов.

В городах появились сначала очереди за сахаром, затем, за хлебом и другими продуктами. На пасху в 1915 году уже не хватило яиц в Москве, Твери, Казани. В августе 1916 г. было введено четыре мясопустных дня в неделю, в которые запрещалась продажа мяса и подача мясных блюд в ресторанах и столовых. Один город за другим переходил к карточной системе. Несмотря на то, что в России и в мирное время существовала обязательная паспортная система и строго проводимая система прописки, что должно было облегчить проведение карточной системы, все же проведение последней было сопряжено с большими трудностями. Продовольственный кризис коснулся не только городов, но и крестьянства тех губерний, которые постоянно питались ввозным хлебом, а также местностей, постигнутых неурожаем.

В виду различия цен в отдельных районах, невозможно дать общую картину роста дороговизны. Экономический

отдел Всероссийского Городского Союза опубликовал следующие данные за первые два года войны; если цены за 1913—14 г.г. принять за 100, то движение цен будет следующее:

	Май 1915 г.	Декабрь 1915 г.	Июнь 1916 г.
Продукты питания (10 товаров)	155	199	242
Сырье и полуфабрик. (8 товаров)	128	154	178
Готовые изделия (1 товар)	154	160	213

По данным Особого Совещания по продовольствию, движение цен на московском рынке представляется в следующем виде (цены на декабрь 1913 г. принимаются за 100).

	Декабрь 1914 г.	Декабрь 1915 г.
пшеница	109,6	172,4
пшеничная мука 1-ый с.	107,9	165,1
„ „ 2-ой „	111,0	186,4
ржаная мука	131,9	192,7
овес	177,1	340,0
гречневая крупа	162,1	221,0
пшено	138,9	210,7
масло сол.	129,8	274,4
соль	204,8	514,3
сахарный песок	107,8	143,7

Сильное вздорожание соли было особенно тяжело воспринято крестьянством.

В Одессе цены на август 1916 года были следующие:

	Перед войной.	Август 1916 года.
говядина	1 фунт. 18 коп.	55 коп.
свинина	1 » 20 »	55 »
белый хлеб	1 » 5 »	9 »
черный хлеб	1 » 4 »	5 »
масло	1 » 50 »	1,40 »

	Перед войной.	Август 1916 года.
пшеничная мука	1 пуд. 2,15 руб.	3,— руб.
рис	1 » 5, »	10,— »
лук	1 » 0,40 »	1,20 »
капуста	1 » 0,45 »	2,40 »
картофель	1 » 0,40 »	1,60 »

Причины продовольственного кризиса и дороговизны.

Целый ряд причин обусловил дороговизну и продовольственный кризис в России; важнейшими из них были:

1) уменьшение посевной площади и сбора хлебов;
2) уменьшение количества скота;
3) увеличение потребления;
4) расстройство транспорта;
5) удержание запасов производителями;
6) спекуляция;
7) неспособность правительственных органов справиться с задачами изъятия и распределения запасов продовольствия.

Уменьшение посевной площади и сбора хлебов было рассмотрено в предыдущей главе; в 1914—15 г.г., по приведенным статистическим данным, урожай был лишь немногим меньше, чем средний за 1909 — 13 г.г. Лишь в 1916 году он уменьшился на 15,1%, а в 1917 на 17,9% против этого среднего. Все же эти статистические данные не вполне достоверны. Более достоверны данные о так называемых видимых запасах—в элеваторах, гаванях и на внутренних рынках; они составляли (в милл. пудов):

	на 1-ое января 1914 г.	на 1-ое января 1915 г.
пшеница	38,2	22,5
рожь	7,7	6,0
ячмень	20,7	16,3
овес	12,8	4,6
мука	9,1	9,6

После хорошего урожая 1915 года видимые запасы значительно увеличились и на 1-ое января 1916 г. составляли:

	милл. пуд.
во всей империи	90
в Европейской России	70,4
на Кавказе	7,5
в Сибири и Средней Азии	12,1
из них:	
рожь	12,8
пшеница	44,5
ячмень	9,3
кукуруза	1,9
овес	5,5
сверх того:	
ржаная мука	4,6
пшеничная мука	11,1

Кроме того, благодаря запрещению продажи водки и сокращению в связи с этим винокурения, картофель, употреблявшийся прежде для винокурения, мог итти в пищу.

Для борьбы с последствиями уменьшения количества скота были сделаны попытки ввозить скот из Монголии. Для замены недостающего мяса была использована также рыба как морская, так и речная.

Увеличение потребления в России во время войны было весьма велико. Это объясняется тем, что в мирное время питание населения, особенно потребление мяса, стояло на весьма низком уровне; так, например, душевое потребление мяса в России составляло только $^2/_5$ такового в Германии. Нормы довольствия в армии, особенно мяса и сахара, были значительно выше нормы потребления рабочих и крестьян в мирное время. Крестьянство во время войны также значительно улучшило свое питание, так как налоговый пресс, при падении курса рубля и дороговизне продуктов сельского хозяйства, стал менее чувствительным, да и сказалось запрещение продажи водки.

Расстройство транспорта было первой по времени основной причиной, обусловившей продовольственный кризис в крупных городах и прилегающих к ним районах. С июля до середины октября 1914 г. по железным дорогам почти не производилось перевозки частных грузов, а далее, до конца года, они производились в ограниченных размерах. Поэтому, на ряду с огромными запасами в производящих районах, в крупных городах, которые зависели от текущего подвоза, оказался недостаток продуктов и наблюдалось сильное вздорожание их. Эвакуация западных районов и беженская волна привели железнодорожное движение в полное расстройство, что еще более обострило продовольственный кризис в крупных городах. Подвоз пшеницы и ржи, в зерне и муке, в Петербург, составлявший в среднем за 1909—13 г.г. 39,9 милл. пудов в год, в 1914 г. упал до 29,5 милл. пудов; в 1915 году подвоз 20-ти товаров равнялся 97,4 милл. пудов против 103,9 в 1914 г., при чем подвоз по железным дорогам возрос с 76 до 83 милл. пудов, а по водным путям упал с 27 до 13 милл. пуд.

Расстройство транспорта вело к большой разнице в ценах между производящими и потребляющими районами, так что, например, пшеничную муку и подсолнечное масло было выгодно посылать не только большой скоростью, но и багажом. Чем труднее становилось получать вагоны, тем

больше распространялось взяточничество. В Московской Городской Думе совершенно открыто требовались кредиты для дачи взяток железнодорожным служащим, без чего было невозможно получение вагонов под уголь и продовольствие для столицы.

У д е р ж а н и е з а п а с о в производителями происходило по многим причинам. Подвоз к станциям производился менее интенсивно, чем в мирное время, за отсутствием рабочего скота и рабочих рук.; это же вызывало запаздывание в уборке и обмолотке хлеба.

В мирное время необходимость взноса налогов вынуждала крестьянство к скорейшему обмолоту и продаже хлеба. Во время войны, благодаря повышенным ценам на сельско-хозяйственные продукты, уплате за реквизированных лошадей и скот, выдаче пособий семьям призванных и экономии вследствие запрещения продажи водки — благодаря всему этому, в руках крестьянства скопились наличные деньги, которые оставались в деревне, так как она не могла приобрести необходимых ей товаров, которые уже с 1915 года почти не доходили в деревню. Продавать же свои продукты на бумажные деньги, к которым в крестьянстве было большое недоверие по опыту обесценения их в Крымскую и Турецкую войны, не могло быть побуждений. Таким образом, у крестьянства не было оснований ни к продаже своих продуктов, ни к увеличению производства их и даже, наоборот, оно увеличивало собственное потребление их. В связи с этим появились предложения об открытии вновь продажи водки, при чем предлагалось продавать ее за хлеб, а также взимать налоги хлебом.

О т с у т с т в и е е д и н о й п о л и т и к и твердых цен тоже влияло отрицательно на подвоз. Сообщения из разных мест часто указывают, что подвоз незначителен в связи с ожидающимся повышением твердых цен; один из губернаторов ежедневно публиковал объявления, что твердые цены не будут повышены, но уже то, что они публиковались столь часто, не могло внушать к ним доверия.

С п е к у л я ц и я предметами широкого потребления в России во время войны процветала не менее, а может быть еще более, чем в других странах. Нужно указать, что спекуляции придавалось даже чрезмерное значение, так как широкая публика не могла понять, как в России, с ее огромным вывозом хлеба, может быть недостаток его как раз в то время, когда вывоз не производится.

О некоторых видах спекуляции было указано в главе о банках. Непрерывное повышение цен обеспечивало спекулянтам верные прибыли без всякого риска, и сокрытие запасов, с целью выждать повышение цен, стало широко практиковаться.

Ответственными за спекуляцию в глазах населения оказывались, конечно, наименее виноватые розничные торговцы, которые во многих местах подверглись погромам.

Несостоятельность властей в деле регулирования продовольственного дела и борьбы с дороговизной, отсутствие единой продовольственной политики, на ряду с расстройством транспорта, была второй основной причиной продовольственного кризиса. Министерства работали вразброд, и происходила постоянная борьба между министрами торговли и промышленности, внутренних дел и земледелия, из которых каждый считал, что продовольственное дело относится к кругу его ведения.

В самом начале войны, 31 июля 1914 года, министр внутренних дел издал циркуляр, предписывавший губернаторам принять меры для борьбы с недостатком предметов первой необходимости, устанавливать на них таксы и всеми имеющимися в их распоряжении средствами бороться с спекуляцией; через полтора года министр вновь предложил губернаторам действовать энергичнее в указанном направлении. Методы регулирования цен, применявшиеся губернаторами, были весьма различны: одни устанавливали продажные цены, которые в разных губерниях были весьма различны; другие устанавливали размер надбавок, которые торговцы имели право делать к себестоимости товаров; третьи запрещали „чрезмерное“ повышение цен.

Городские самоуправления также устанавливали таксы, при чем города действовали несогласованно между собой и, таким образом, конкурировали друг с другом. Кроме того, не было достаточно научных данных для экономически целесообразного установления такс, да и контроль за их соблюдением был далеко недостаточный, и они легко обходились. На ряду с твердыми продажными ценами-таксами устанавливались также твердые цены для закупок продовольствия; этим ведали уполномоченные Главного Управления землеустройства и земледелия по закупкам продовольствия для армии, которые были назначены 1-го августа 1914 года. Они производили закупки, главным образом, в местностях, отдаленных от железных дорог, где продовольствие было

дешево, но зато доставка его оттуда к станциям была весьма затруднительна. Уполномоченные обнаружили, в общем, значительную неподготовленность к выполнению возложенных на них задач; по их настоянию был издан указ от 17 февраля 1917 года, согласно которого командующим войсками военных округов, по согласованию с губернаторами, уполномоченными Главного Управления землеустройства и земледелия и представителями государственного контроля, предоставлялось право:

1) запрещать вывоз необходимых для армии продуктов продовольствия;

2) устанавливать твердые цены для закупки их;

3) в случае отказа владельцев продавать по установленным ценам, реквизировать их по ценам на 15% ниже установленных.

Изданный, на основании этого указа, целый ряд запрещений вывоза создал совершеннейший хаос в деле продовольствия; так, например, одним из генерал-губернаторов было издано в течение одного года 23 различных запрещения вывоза, из которых одни распространялись на весь округ, другие—на отдельные губернии, третьи—на уезды.

Образованное в августе 1915 года Особое Совещание по продовольствию, председателем которого являлся министр земледелия (прежнее Главное Управление землеустройства и Земледелия было во время войны, в октябре 1915 года, преобразовано в министерство земледелия), для устранения создавшейся неразберихи потребовало, чтобы запрещения вывоза могли издаваться только по согласованию с председателем Особого Совещания по продовольствию. Вокруг вопроса о таксах и твердых ценах разгорелась ожесточенная борьба. Одна сторона, возглавлявшаяся промышленниками и землевладельцами, требовала повышения цен и сохранения системы свободной торговли; другая сторона, возглавлявшаяся, главным образом, Всероссийским Союзом Городов и экономическим советом при нем, требовала всеобъемлющего регулирования народного хозяйства, на основах установления твердых цен и выработки целостной системы регулирования как производства, так и торговли, транспорта, распределения и потребления.

Уже вскоре после начала войны городские самоуправления приступили к самостоятельным закупкам продовольствия; в начале 1915 года это практиковалось уже в 65 городах и 34 предполагали приступить к этому в ближай-

шем будущем. Первоначально производились только закупки зерна и муки, а затем и мяса, угля, дров, сахара, соли и т. п.

Продажа товаров поручалась, большей частью, частным торговцам и кооперативам по установленным ценам. Средства для закупок предоставлялись, в виде кредитов на льготных условиях, как государством, так и частными банками под гарантией государственного казначейства. Земства, особенно потребляющих губерний, также приступили к закупкам продовольствия, распределение которого между населением поручалось кооперативам. Но собственные закупки городов и земств не могли, конечно, удовлетворить потребности.

Когда в сентябре 1916 года министром внутренних дел был назначен Протопопов, он выдвинул проект привлечения банков к разрешению продовольственного кризиса, но в связи с той спекуляцией, которая производилась банками, этот проект встретил резкое противодействие.

Временное Правительство ввело 25 марта 1917 г. хлебную монополию. Согласно закона о хлебной монополии, весь урожай 1916 года, равно и остатки от прежних лет, подлежали сдаче органам государственной монополии. Каждый производитель должен был представить сведения об имеющихся запасах хлеба, числе едоков, размере посевной площади и количестве скота; согласно этих данных должно было определяться количество хлеба, подлежащее оставлению в хозяйстве, остаток же должен был отчуждаться по твердым ценам. Тогда же, в отмену закона об Особом Совещании по продовольствию, было издано временное положение о местных продовольственных органах. Но общее положение в стране сделало почти невозможным проведение в жизнь всех этих мероприятий, и продовольственный кризис после февральской революции резко нарастает.

Заключение.

Попытаемся сделать краткие выводы из изложенного.

Государственные финансы России ко времени февральской революции пришли в полное расстройство. Временное Правительство, несмотря на всю критику, которой деятели его подвергали политику царского правительства, несмотря на все попытки и обещания, не могло тут ничего исправить. Гражданский бюджет был дефицитен, вследствие выпадения дохода от винной монополии, уменьшения таможенных пошлин и прочих доходов; их не могло заменить увеличение существующих и введение новых налогов, проведение которых к тому же, как, например, подоходного налога, представляло значительные трудности.

Военные расходы, с самого начала войны, покрывались только займами и эмиссией кредитных билетов. Надежда, существовавшая перед войной в правящих кругах, что России придется нести жертвы „только" кровью, деньги же дадут богатые союзники, оказалась обманчивой.

Россия, несмотря на свои природные богатства, всегда была бедна капиталами и, конечно, не была в состоянии вести такой дорогой войны так долго, как ее союзники.

Все же внутренние займы давали меньше, чем можно было ожидать. Это объяснялось отчасти тем, что царский режим не пользовался доверием даже буржуазных кругов, ко времени же февральской революции общее расстройство зашло слишком далеко.

Результаты внешних займов, в сравнении со все растущими военными расходами, были незначительны, и оставался один выход — печатный станок. Но это было обоюдоострое средство: инфляция понижала курс рубля, гнала цены вверх и способствовала спекуляции, со всеми последствиями ее. В конце 1916 года положение было таково, что

и русские экономисты считали невозможным возвращение к золотому обращению после войны.

Взращенная в значительной мере правительственными субсидиями, крупная промышленность, исключая текстильной, и в мирное время не была в состоянии удовлетворить потребностей страны.

При подготовке к войне, Россия, как, впрочем, и другие страны, главное внимание обращала на вопросы финансов, которые в прежних войнах были наиболее слабым местом. Приспособление промышленности к нуждам войны встречало в России большие затруднения, чем в прочих странах, так как русская промышленность во многих отношениях зависела от заграницы. Мобилизация промышленности встречала к тому же сопротивление бюрократии. Нужно также признать, что русская буржуазия и русская промышленность, не имевшие при царизме опыта большой общественной работы, оказались недостаточно подготовленными к тем огромным организационным и экономическим задачам, которые встали перед ними во время войны. Промышленность не справлялась даже с военными заказами, и на долю гражданского потребления почти ничего не оставалось.

Внешняя торговля в начале войны была в полном параличе, затем ввоз стал возрастать, но природа его совершенно изменилась. Ввозились, главным образом, предметы военного снабжения, потребности же гражданского населения не находили удовлетворения. Вывоз оставался незначительным, а основной предмет вывоза — хлеб — вывозу не подлежал. Железнодорожный транспорт, вследствие требований войны, в частности вследствие эвакуации западных губерний, а также отсутствия целесообразного управления, был приведен в полное расстройство. В сельском хозяйстве обнаружилось, что действительные хлебные излишки вовсе не так велики, как это могло бы казаться, судя по огромному вывозу хлеба, так как питание широких масс населения стояло на очень низком уровне. Недостаток рабочих рук, рабочего скота, орудий и машин повлек за собой уменьшение посевной площади и сбора хлебов.

Дело продовольствия, вследствие разрухи транспорта, пришло в полное расстройство, которое еще более увеличивалось противоречивыми распоряжениями властей. Правительство оказалось бессильным как в изъятии продовольствия от производителей, так и в борьбе со спеку-

ляцией. Потребление было нормировано лишь в незначительной степени, и беднейшему населению не был обеспечен прожиточный минимум. Продовольственный кризис обострялся еще топливным кризисом.

Состав рабочих во время войны значительно ухудшился; призванные в войска были заменены стариками, женщинами, детьми, военнопленными и желтыми рабочими. Заработная плата отставала от повышения цен, материальное положение рабочих ухудшалось, и производительность падала. Попытки, сделанные военно-промышленными комитетами, втянуть рабочих в дело обороны страны были слишком запоздалые, да и к тому же встречали препятствия со стороны полиции.

Таково было экономическое положение страны; к этому присоединялись непосредственные впечатления войны. Утомление войной; недовольство тем, что буржуазия и интеллигенция уклоняются тем или другим способом от службы в войсках (в большей мере, чем это имело место в западных странах) и служат в организациях Красного Креста, Земского и Городского Союзов (земгусары), в военно-промышленных комитетах и т. п.; плохой уход за ранеными и больными, плохие протезы для инвалидов, большое количество больных и раненых, непрерывные военные поражения и потеря ряда губерний, расцветшая пышным цветом спекуляция — все это создавало благоприятную почву для крайней агитации, все это подготовляло почву для большевистской революции.

При тесной зависимости в наше время между войной и народным хозяйством, при том значении, которое в современной войне имеет техника, война является, в сущности, колоссальным хозяйственным предприятием, которое ведется ради экономических целей и самым глубоким образом затрагивает народное хозяйство страны.

В то время, как прежние войны затрагивали, главным образом, финансы страны, а также области, непосредственно прилегающие к театру войны, в последней войне было затронуто все народное хозяйство не только воюющих, но и нейтральных стран. Влияние это было, конечно, не одинаково и зависело от всей структуры народного хозяйства страны. В довоенной литературе известный русский автор многотомного труда о будущей войне, Блиох, выска-

зывал мнение, что война действует более разрушительным образом на индустриальные страны, нежели на аграрные. Это положение не оправдалось во время войны. Россия, несмотря на сильное развитие промышленности в течение последнего десятилетия, оставалась все же аграрной страной, с недостаточным развитием промышленности и техники. Поэтому военное командование вынуждено было недостаток снарядов и прочего военного снаряжения возмещать тем материалом, которого в стране считалось много — человеческими массами. Эта особенность русской стратегии находила свое отражение и в пословице „шапками закидаем". Подобная стратегия неизбежна для аграрной страны, недостаток развития техники которой (а военная техника неотделима от общей промышленной техники) придется возмещать человеческими жертвами.

Если, кроме хозяйственного значения этих потерь, принять еще во внимание моральное значение их, то представится более чем сомнительным положение, защищавшееся Блиохом, о преимуществах аграрной страны. К тому же победа всегда достается технически наиболее подготовленному противнику.

Указатель литературы.

Общая.

1. С. Н. Прокопович. — Война и народное хозяйство.—Изд. 2-ое. Москва. 1918.
2. А. А. Маниковский. — Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 г.г. 3 части. Москва. 1920—1923 г.г.
3. Россия в мировой войне 1914—1918 г.г. (в цифрах). — Изд. Ц. С. У. (отдел военной статистики) — Москва. 1925.

Финансы.

1. Э. С. Каценеленбаум. — Денежное обращение России за 1914—1924 г.г. — Изд. „Эконом. Жизнь“, Москва. 1924 г.
2. В. Н. Твердохлебов.—Государственный кредит, теория и техника.—Изд. „Академия“, Ленинград. 1924.

Промышленность.

В. И. Гриневецкий. — Послевоенные перспективы русской промышленности. Москва. 1919 г.

Транспорт.

1. А. А. Неопиханов. — Проблемы планировки и регулировки жел.-дорожных перевозок. Москва. 1920 г.
2. М. М. Шмуккер. — Очерки финансов и экономики жел.-дор. транспорта России за 1913 — 1922 г.г. — Изд. Транспечать, Москва. 1924 г.

Сельское хозяйство и продовольствие.

1. Н. Д. Кондратьев. — Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. — Изд. „Новая Деревня“, Москва. 1922 г.

Примечание. Нами указаны лишь основные труды; читатель, желающий получить дальнейшие указания, в частности, относительно первоисточников, найдет их в указанных трудах. М. З.

Ц. 70 к.